

ВЛАДИМИР БУРТОВОЙ

Волжский роман

Демидовский бунт

Волжский роман

Владимир Буртовой
Демидовский бунт

«ВЕЧЕ»

2018

Буртовой В. И.

Демидовский бунт / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-7533-7

1751 год. Ромодановская волость под Калугой охвачена бунтом. Крестьяне, доведенные до отчаяния бесчеловечностью Никиты Демидова, восстают против заводчика. Наивно веря в заступничество матушки-государыни Елизаветы Петровны, они посылают ей челобитные на своего утешителя. В ответ правительство отправляет на усмирение бунтовщиков регулярные войска и артиллерию. Но так уж повелось исстари, натерпевшийся лиха в родном дому русский мужик не желает мириться с ним. Кто ударяется в бега, кто уходит в казаки, кто отправляется искать страну мужицкого счастья – Беловодье. Уходит искать сказочное Беловодье и юный Илья Арапов, в будущем сподвижник Емельяна Пугачева. Много земель лежит перед ним – бескрайние русские просторы, от волжских берегов до монгольских песков, много встреч ждет его в пути, но самая главная – с «зоркоглазым атаманом», который видит «от Москвы и дальше» – впереди. Данное издание – первая часть трилогии о событиях накануне и в период крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

ISBN 978-5-4484-7533-7

© Буртовой В. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть I. В муках родилась мечта	6
Глава 1. Будто снег на голову...	6
Глава 2. «Надо бунтовать!»	11
Глава 3. В потайной темнице	16
Глава 4. Сход принимает решение	21
Глава 5. Проба сил	30
Глава 6. Открытый бой	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Буртовой

Демидовский бунт

* * *

© Буртовой В. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Часть I. В муках родилась мечта

Глава 1. Будто снег на голову...

Зловещая послеобеденная тишина сильнее, чем крещенские морозы Москву-реку, сковала двухэтажный каменный особняк. Нещадные плети ожидали всякого, кто по неведению или оплошности нарушал покой в московском доме Никиты Демидова, статского советника, одного из богатейших заводчиков России, миллионщика, полуразбитого параличом.

Укрытый теплым одеялом, Никита Никитович, откинувшись на уютную спинку кресла-качалки, отдыхал в застекленном флигеле. Сквозь полусон, не ощущая собственного высохшего тела, он лениво перебирал в мыслях те немногие житейские заботы, которые остались еще в этом суетном мире на его долю. Больно – и в который раз! – кольнула в сердце застарелая обида на родителя, Никиту Демидовича: обделил наследством! Сыновья покойного теперь брата Акинфия куда как размахнулись на Каменном Поясе, хотя и у него там три сильных завода не бедное железо льют, грех на Господа жаловаться. И все же...

Апрельское солнце, надвое разрезанное тонким оконным переплетом, пригревало, успокаивало. Потускневшие глаза, словно холодные сосульки под карнизом, жмурились и слезились. Из внутреннего дворика в открытую дверь флигеля проникал талым снегом напитанный ветер, вызывая на лице легкий озноб. Никита Никитович сделал попытку забыться умиротворяющим сном, однако упрямая память воскрешала давние детские шалости. Вот он, задрав голову и стараясь не закрывать глаза, вместе со сверстниками гоняет босиком по лужам, беспечно радуясь теплоте летнему дождю и буйной силе, которая наливает молодое тело. Дурася, отроки с разбега прыгают в канаву за отцовской кузней, а в той канаве лопухи по пояс и дождевой воды выше колен. Рядом жеребцом необъезженным скачет и ржет от удовольствия любезный братец Акинфка – заводила слободских кулачных драк. И неведомо тогда еще было, что не эта отцовская кузня в Туле, а десятки заводов встанут между ними...

«Ох, господи, – вздохнул Никита Никитович, поеживаясь от внутреннего озноба. – Будто вчера все это было».

Нетленная, как мумия в Киевско-Печерском монастыре, зависть к более удачливому и расторопному Акинфке вновь высунулась из потаённого уголка души и кольнула в сердце. Демидов насутился, фыркнул и потянул одеяло повыше к подбородку...

Тревожные мысли нарушил отдаленный конский топот.

«Должно, кульер матушки-государыни мчит по Басманной в Кремль», – подумал Никита Никитович и сделал еще одну попытку утихомирить злую память недолгим старческим сном. Не получилось – храп загнанного коня задержался у самых ворот особняка.

«Никак к нам гостенечек непрошенный пожаловал! Очередной супостат тонконогий на даровое демидовское угощение. Ништо-о, высидишь в приемной час-другой да и дале заспешишь по государевым неотложным делам», – и Никита Никитович в злорадной усмешке pokrивил плотно поджатые губы.

За приоткрытой дверью со стороны сенцев послышался чей-то неприятно хриплый голос, потом сердитое ворчание дворецкого Антипа. Никита Никитович, распаляя себя гневом – потревожили прежде срока! – сердито двинул костылем о стену флигеля, зло крикнул:

– Кой скот там раскаркался? Антип, спроводи на конюшню, пусть отведаст березовой каши! Ну!

Половицы, выскобленные до желтизны, застонали под торопливыми широкими шагами. Приоткрылась дверь, просунулась до невероятия заросшая бакенбардами и усами голова с широким угрюмым носом, похожим на бородавчатую лягушку, присевшую перед прыжком.

– Батюшка, кормилец, кульером я к вашей светлости из Калуги. С дурной вестью. Беда-а!

Никита Никитович застонал, словно от внезапной, не раз уже заставлявшей страдать зубной боли: терпеть не мог чьего бы ни было хриплого голоса. В памяти тут же вставал дикого вида простуженный варнак, который перехватил его однажды в глухом приуральском лесу. Не подоспей тогда чудом заводские стражники, не миновать бы ему лютой смерти. Никиту Никитовича передернуло – и этот молодец под стать тому варнаку! Он узнал своего приказчика Прокофия Оборота с Выровского завода в Ромодановской волости.

– Ввалился, аки медведь-шатун, покой порушил! – Демидов снова ткнул костылем в дощатую стену флигеля. – Бит будешь потом, а теперь невежа-разбойник, рассказывай, что за беда? Пожар ли в лесах? Мор ли – язву на рабочих людишек нанесло с крымского шляха? Ну?

При словах о предстоящей порке маленькие круглые глаза приказчика потускнели, губы поджались в незаслуженной обиде.

– Стократ хуже, батюшка-кормилец, – вновь прохрипел плечистый приказчик. – Стократ пакостнее учинилось – бунт!

– Что-о? – Никита Никитович уставил на Оборота выпуклые глаза. – Типун тебе под язык! Ну-ка, повтори, что брякнул сдуру!

– Бунт, батюшка-кормилец! – безжалостно выкрикнул приказчик, словно в отместку за обещание порки плетью на конюшне.

У Демидова едва хватило сил зыркнуть глазами в приоткрытую дверь сенцев – нет ли там кого из дворни? Рванулся было изломать о волосатую голову Оборота крепкие костыли, но парализованные ноги не приняли на себя тяжести тела. Некоторое время, выпучив от злобы глаза, Демидов висел на полусогнутых руках, упираясь ими в подлокотники. Будто пистоль рядом бабахнул – стукнулся о пол упавший костыль.

Никита Никитович тяжело рухнул в кресло, на впалых седых висках выступили капли пота. Одеало сползло на пол, Демидов остался в бухарском шелковом халате с ярко-красными розами.

– На каком заводе? – просипел Никита Никитович, делая долгое глотательное движение. Во флигеле вдруг стало пасмурно, и облик приказчика заколебался, словно перед глазами возникла густая пелена утреннего тумана. Восковая бледность залила лицо хозяина, и Прокофий Оборот возликовал от неуместного злорадства. «Ишь как тебя треплет! Ажно глаза из подо лба повылазили! А туда же – слуг верных, не разобравшись, березовой кашей потчевать вместо награды за скорое известие», – подумал Прокофий. Однако сказал:

– Ромодановские мужики, ваше сиятельство, удумали всем миром супротивничать. Выровского завода домницы брошены, пожитки и казна пограблены своевольцами. Я вашей светлости реестрик убыткам доставил. Тыщи на три пограбили. Как бы и по другим... – И умолк, побоялся закончить перечень хозяйскому разорению: Демидов левой рукой потянулся к сердцу, начал медленно жевать побелевшие губы.

«Эва-а, как бы сам себя не сожрал, паралитик треклятый. – Оборот испугался не на шутку. – Приберет тогда все заводишки старшой племянничек Прокофий Акинфич! А у него, рассказывают, от хозяйского достатка не только алтына, а и медного семишника не добудешь! Наш-то супротив бесноватого Прокофья Акинфича, рассказывают, вовсе овца параличная».

У Демидова между тем по испытанному лицу пошла нервная судорога, нижняя челюсть отвисла, и высунулся кончик мокрого языка.

Оборот засуетился.

– Дохтура скорей! Господи! Антип, где же ты? Батюшка, Никита Никитыч, да что же это с вами? – Прокофий услышал за спиной поспешные шаги дворецкого, выкрикнул: – Дохтура живо!

Демидов открыл мутные глаза, в тяжком выдохе прохрипел, раздувая седую бороду. Воздух шел из него долго, с присвистом, словно из проткнутого кузнечного меха.

– К черту дохтура, – можно было разобрать в этом хрипе. – Шалишь, косая! Нас, Демидовых, так запросто с копыт не собьешь! – Никита Никитович невесть кому погрозил костлявым кулаком. – Не во здравие вам будут демидовские рублики! Восплачете горькими слезьми, злоумышленные плуты и воры!

Дворецкий Антип как вбежал во флигель по зову приказчика, так и застыл, полусогнувшись, с мокрым полотенцем в руке. На его хромовые сапоги бесшумной струйкой стекала холодная вода. Лицо Антипа дергалось в гримасах, обычно хозяин призывал его к креслу и, по заведенной привычке, сейчас будет больно тыкать костылем в покорно подставленную спину, вразумляя словом и делом.

Но на этот раз гнев, слава богу, пал не на дворецкого. Хозяин бранил взбунтовавшихся приписных крестьян.

– Будете вопить во всю ивановскую под батогами! Мало я порол вас, подлое мужичье! Мало! Мало! Ужо всех теперь под кнут!

«Вызверится ежели, то и мне, за мое рвение, взаправду не миновать батогов на конюшне», – испугался Прокофий Оборот. Он подошел, бережно укрыл одеялом безжизненные ноги хозяина, подкараулил левую руку Никиты Никитовича, когда она на миг замерла на подлокотнике, и припал к ней губами. На синих прожилках остались влажные следы рабского поцелуя.

– Батюшка, кормилец наш, – перешел на густой шепот Прокофий Оборот. – Солдатушек бы испросить у государыни-заступницы да послать на бунтовщиков, на сие подлое разинское отродие! Воевода мешкает, в затылке чешет на мои увещательные речи. Должно, от вашей светлости ждет мзду на лапу загребущую. А бунт меж тем ширится. Слышал, будучи проездом к вашей милости, и у Гончарова на мануфактурных заводах зашатались работные людишки... Наши Ромодановской приписной волости мужики побросали протчие вашей милости заводы, созвали волостной сход и челобитную писали матушке-государыне. А посему и на Дугненский завод в работы не выехали. А я им вашей милости повеление передал в нужный срок.

Прокофий облизнул сухие губы. Хозяин слушал его внимательно, наклонив голову к плечу, и приказчик досказал:

– Пытал я в темнице одного из мужичьих заводил. Хотел загодя о бунте дознаться, перехватать атаманов и вашу милость о всем доподлинно известить. Да холоп не сдюжил, на дыбе помер, пришлось надежно укрыть.

Демидов мимо ушей пропустил это известие – не дознался, так тебе же, приказчик, это в убыток запишется. Для того тебя и поставили, для того тебе и власть дадена от хозяина, чтобы загодя о всем знать и должные к тому меры принимать. Никита Никитович сделал два пробных глубоких вдоха, проверяя, отпустила боль старое сердце или стережет, когтистой кошкой затаившись?

«Кажись, еще поживем-повозимся», – подумал Демидов и сердито крикнул дворецкому:

– Антип! Принеси холодного вина!

Антип шлепнул в угол мокрое полотенце, сгибая спину, исчез в сенцах, а вслед ему неслось еще одно повеление хозяина:

– Бумагу возьми! В сенат, самолично матушке-государыне Елисавете Петровне писать буду!

Холодное вино взбодрило, с глаз пропала сизая пелена. Через несколько минут, нервно дергаясь и подсакивая, словно сидел не в кресле, а ехал в рессорной коляске проселочной дорогой, Никита Никитович диктовал прошение, адресуясь в сенат и к императрице Елисавете Петровне.

– Пиши, Антип, мол, уведомляю я сенатскую контору сим прошением, потому как в нынешнем одна тысяча семьсот пятьдесят втором году в апреле месяце Ромодановской волости крестьяне мои злоумышленно согласились промеж собою меня, детей моих и посланных

от меня приказчиков не слушать и в заводской работе боле не быть. Злоумышленники выбрали сами себе самовольно выборных заводил-атаманов той же волости крестьян Ивана Чуприна, Михаилу Рыбку, Василия Гороха с такими ж плутами и разбойниками. – Демидов белым платком утер отсыревший после выпитого вина ястребиный нос и недобро покосился на Прокофия Оборота, почудилось, что увидел перед собой не верного холопа, а одного из мужицких атаманов, подсланных убить немого хозяина. – Пиши дале, – повернулся Демидов к Антипу, склонившемуся над маленьким столиком у окна. – Собрался со крестьянами в селе Ромоданове многолюдством, сот до пяти и боле человек, с дубьем, с кольями, вилами и с протчим оружием, те атаманы грозят меня и детей моих побить до смерти, – и к приказчику: – Так ли было?

– Истинно так, батюшка-кормилец. Как на духу доложил вашей светлости – грозятся ока-янные, – проговорил Прокофий Оборот, снижая бас, чтобы не раздражать хозяина неуместным громкоголосием.

Демидов некоторое время сидел с опущенной головой, потом распрямился и повелел Прокофию подробно зачитать Антипу перечисленные от мятежа убытки.

«Господи, какая премерзкая воровская рожа! – Демидов который раз покосился на Оборота. – Сей вор, мнится мне, первым протянул лапы к хозяйскому добру... Муха на што мала, но и та, ежели по золоту потопчется, что-нибудь да унесет на ножках... А у этого медведя хриплоголового вон какие пальцы загребушие!»

Прокофий Оборот затылком почувствовал недобрый взгляд хозяина, испуганно обернулся.

– Сколько себе хапнул? – не сдержался и выкрикнул Демидов, багровея лицом и наливаясь новым приступом злости и негодования.

Загорелые скулы приказчика стали белеть, он бухнулся на колени, истово закрестился.

– Видит бог, ваша милость! И копеечки единой не осмелился... Жалованьем премного доволен! – не выдержал холодного яростного взгляда, забежал глазами, поспешно ткнул лбом в пол, на коленях подполз к креслу и вторично хотел облобызать руку хозяина. Демидов отмахнулся от назойливой ласки приказчика.

«Эка старается... Прямо-таки дырку в полу вертит! А глаза прячет, яко кошка наблудившая. Отъявленный плут и казнокрад, – утвердился в своем подозрении Демидов. – Бунт усмирю, надобно выгнать из приказчиков. Да допросить на дыбе с пристрастием – много ли уволоку и где теперь схоронил серебро краденое».

– Пиши дале, Антип. – Демидов оставил приказчика в покое. – А ежели оные воры и возмутители и отправленной противу них для усмирения команде будут чинить непослушание, то повелено было б за то с ними поступить военною рукою, как с неприятелями и супротивниками! Чтоб протчих моих заводов не разорили да и всех приписных крестьян в злой беспорядок привести не могли!

Никита Никитович снова помолчал, собираясь с мыслями. Вдруг вскинул левую руку и издали будто потыкал скрюченным пальцем в плотную бумагу.

– Еще пропиши, что опасение есть, как бы оные воры и смутьяны и в уральские мои заводы от себя нарочных для возмущения не отправили бы!

Антип старательно скрипел пером, а Демидов, насупившись, ну чисто издыхающий сыч в дупле, холодными глазами следил, пока перо не остановилось.

– Прописал? Добро же. Теперь, прохвосты воровские, за ваши глупые головы не дам и затертого семишника! – прошипел Никита Никитович. И добавил для верности: – Укажи сенату, чтоб знали, куда войско-то слать: та моя взбунтовавшаяся волость близ самой Калуги, расстоянием в полуверсте, только через одну Оку-реку, – и к приказчику с наказом: – Тебе, Прокофий, теперь же на свежем коне не мешкая ехать на завод и за всем чинить неусыпный надзор и бережение. Ежели еще в чем убыток случится – спрос с тебя будет!

– Не мешкая, как велит ваша милость, еду! И на все свой глаз недреманный положу.

– Пиши, Антип, на пакете адрес. Да сургуч разогрей, я печать к нему приложу. Еще повели посыльщика доброго в столицу снарядить весьма спешно.

Антип писал, а Демидову – в насмешку, что ли? – и в этом мерном скрипе гусяного пера чудилось не безобидное «скрип-скрип», а издевательское и жестокое «бунт-бунт», «бунт-бунт».

* * *

Над притихшей белокаменной и грязной по весне Москвой, обиженной отъездом царей к туманному Петербургу, нависли прохладные серо-розовые тучи, которые, растеряв тяжелые снега, медленно наплзали со стороны беспокойных крымских шляхов.

Прокофий не вот сразу, как обещал хозяину, заспешил в Калугу. В сопровождении двух молодцев, состоящих в стражниках при Выровском заводе, а у него подручными, Прокофий объездил многие купеческие лавки, пока не купил отменный щепетильный товар и украшения – серебряные серьги и два золотых колечка с алыми камнями. Приказчик жалел жену, не бил, изредка баловал недорогими подарками, а дочерей своих обожал без памяти. Теперь же выпала возможность купить гостинцы, о которых прежде и не мечталось...

Не доезжая Калуги, где у него был свой дом, Прокофий отпустил подручных и свернул в сторону, ехал проселочной дорогой, пока она не превратилась в мало различимую тропу. Несколько раз справа, в просветах леса, мелькала Ока.

– Ну вот, добрался, – проговорил Прокофий, приглушая голос. Подобно матерой волчице, поднял голову, принялся – нет ли где поблизости чужого костра? Но вокруг было тихо. Тукал неподалеку лесной трудяга дятел, а дятла опасаться не след.

Прокофий остановил коня на краю Волчьего оврага, снял котомку с дорожной снедью и присел у столетнего шершавого дуба: кто и приметит его, так не догадается, зачем он здесь.

– Может статья, место под новые порубки выбираю, – прошептал Прокофий. Наскоро закусил. Не поворачивая головы, повел глазами туда-сюда, достал из-под кафтана тугой кожаный мешочек – демидовское серебро, взятое в заводской кассе, нежно потянуло вниз руку.

– Бог спас, не надоумил паралитик повелеть общупать меня. Не миновать бы тогда пытошной избы да жареных углей под стопами, – пробормотал Прокофий. Обернул мешочек в плотную холстину, разгреб прошлогодние листья, вынул из-под большого корневища кусок вырезанного ножом дерна, просунул сверток внутрь. Заодно нащупал маленький обожженный кувшин, погладил землей припорошенный бок – цел и не отсырел!

– Вот и славно! К медным денежкам да и серебряные целковые... с неба упали. Теперь же, пока бунт в драку не перешел, надобно самую дорогую утварь из Демидовской усадьбы вывезти. Мужики пожечь-порушить могут усадьбу, а у меня в Калуге да в этом потайном месте все будет надежно укрыто... Скажу, мол, ромодановские вору порастащили. Никита-то дурак во всей форме окажется!.

Довольный своей находчивостью и смекалкой, Прокофий тихо рассмеялся, прикрыл тайник дерном, присыпал листвой. Неспешно поднялся, завязал котомку, рукой провел по жесткой коре дуба.

– Минет смутное время, приданое дочкам справлю, за именитых дворян выдам. И сам вольготной жизнью живу, с денежками-то! Вот так-то, брат! Важно вовремя за ум хватиться!

Оборот поднял голову и оглядел могучую, но голую еще крону, как бы приглашая дуб в сотоварищи. В настороженном шепоте верхового ветра Прокофию вдруг почудилось осуждение и укор воровскому поступку. Он нахмурился, поджал губы, торопливо сел в седло.

Поехал на запад, к Калуге, вслед уходящему к горизонту оранжево-красному солнцу.

Глава 2. «Надо бунтовать!»

Демидовский приказчик Прокофий Данилович Оборот имел привычку появляться среди заводских работных будто нечистая сила из пыльного столба – всегда неожиданно. Перевернув прозвище приказчика, иначе как «Оборотень» за глаза его и не звали.

Никто не ждал появления Оборота и в тот поздний слякотный и холодный вечер.

Андрей Бурлаков, староста Ромодановской волости, приписанной к калужским заводам Никиты Демидова, вошел в тесную, пропахшую пеленками избу Михайлы Рыбки. Не успел закрыть за спиной набухшую от сырости дверь в темные сенцы, как послышался глухой перестук копыт.

– Твой, что ли, конь? – удивился хозяин избы, отставил к печке подшитый валенок, стряхнул с колен мусор и поднял на Андрея черные глаза: примешалась-таки и в их роду неукротимая и буйная кровь степных кочевников.

– Не барин на коне разъезжать – конь для работы надобен, – отозвался Бурлаков.

Неистовым лаем зашелся пес, тут же достиг избы властный покрик: «Пошел вон!» Пес заскулил и затих постепенно – должно, убежал за дворовые постройки.

– Кой это гад над собакой изгиляется? – Михайло резко поднялся с некрашеной самодельной табуретки, на ходу сорвал плетъ с колышка у правого косяка...

Дверь распахнулась, и на пороге, пригнув голову, чтобы не удариться, вырос Прокофий Оборот.

Засидевшиеся у Рыбки крестьяне Федор Капитонов и Кузьма Петров тут же поднялись на ноги – Федор довольно резво, Кузьма не так поспешно. Третий гость, сутулый и седобородый Василий Горох, лишь изобразил попытку подняться, но так и остался сидеть на низенькой табуретке у печки и греть простуженную спину.

Прокофий Оборот не снял добротной бараньей мурмолки, не перекрестил лба перед иконой. Сморщив широкий приплюснутый нос – тяжек дух мужицкого жилья! – пострадал Михайлу:

– На привязи держи собаку! Другой раз твякнет – порешу в сердцах!

«Тебя бы кто пришил нарком, упырь болотный!» – Михайло резко захлестнул плетъ на колышек, дернул широкой бородой. Лет пять тому назад на лесной рубке зашибло его упавшей сосной, и ходит теперь Михайло, словно матерый волчище, не ворочая шеей.

Прокофий Оборот прошел в передний угол – от порога и до стола за приказчиком остались на дощатом полу грязные следы, – сгреб с головы мурмолку, бросил на стол, пригладил пышные бакенбарды. Тяжело скрипнула под ним старенькая, выскобленная перед Святками лавка.

– Что дома не сидишь? – в гневе выговорил приказчик волостному старосте. – И что за сход у вас по ночам? Ну? – Прокофий повысил сиплый бас. За темной занавеской от печи и до стены захныкал сонный младенец. Испуганно зашикала на него хозяйка: не расплакался бы, упаси бог прогневить лютого Оборотня!

Андрей Бурлаков так и застыл у порога. Сестъ в присутствии приказчика ни он, ни Федор с Кузьмой не посмели. Михайло Рыбка тоже неуверенно топтался около сидящего Василия Гороха.

– Будто не ведомо вам, Прокофий Данилыч, – потея лысой головой, пояснил Бурлаков. – Велено мне от Никиты Никитыча вместе с выборными учинить смотрение всем селам и деревням. А по тому смотрению сделать раскладку перед близкой весенней пахотой. – Бурлаков ладонью провел по затылку, вытер руку о кафтан. – Да велено напомнить мужикам, за кем осталась зимняя отработка. Потому и зашли к Рыбке.

– Иное дело, ежели так. Отработку на лесных рубках закончить к Благовещенью¹. Ведомо мне, что и у некоторых выборных до сей поры долг висит! Не думайте, что хозяйский долг – нескончаемая зимняя дорога! Оборвется весьма близко – на конюшне барской усадьбы! Все поняли? – Приказчик недобро зыркнул маленькими глазками из-под насупленных рыжевато-серых бровей.

– Отработаем, Прокофий Данилыч. Завтра же с родителем Капитоном отбудем на полянку. – Федор повинился, нервно затеребил веревочную опояску поверх старой однорядки. – Занедужил малость, хворь треклятая вошла в поясицу. Не гневись, батюшка Прокофий Данилыч. Лошаденка-то у меня, сам знаешь, пала, нету кормилицы. – На глазах Федора выступили слезы. – Как рассветет, тотчас выедем.

– Смотри, мужик, чтоб тую хворь из поясицы не пришлось плетми выколачивать, – вновь пострадал приказчик. Поморщился – по избе пошел резкий запах. Хозяйка приглушенно охала и меняла под ребенком испачканные подгузники. – Ну а теперь слушайте, с чем пришел я. Повелел Никита Никитыч аккурат после Благовещенья мужикам и крепким бабам ехать к Дугненскому заводу. Работа будет долгой, харчи берите про запас. – Прокофий взял мурмолку, но надеть не успел.

– Как это – надолго? – вдруг осмелел Кузьма Петров, сорокалетний, крепкий в теле мужик. По скуластому лицу пошла легкая бледность: знал, что супротивничать приказчику небезопасно. – По государеву указу весной быть нам в отработке лишь по первое мая. А там – у нас пашня! Как же это, братцы-мужики, без пахоты останемся?

– Замолчь, шишига носатая! – оборвал Кузьму Прокофий Оборот. – Не тебе, холоп, поучать хозяина! Бабе своей будешь указывать, долго ли горшки сушить на плетне!

– Далеко ведь, – робко вставил Андрей Бурлаков, чтобы притушить гнев приказчика. – Кони в работе изобьются, как потом мужикам пашню поднимать? Да и коней-то, можно сказать, не осталось.

– За дорогу вам плата особая идет от хозяина, – бросил Прокофий Оборот, слегка умерив бас: ребенок все-таки проснулся и захныкал, хозяйка вынула его из скрипучей люльки и начала баюкать на руках, тихонько пришептывая: «Аа-а!»

Приказчик надвинул мурмолку на брови. Встал резко, так что заколыхалось перед иконой слабенкое пламя пенькового фитиля. Волостной староста поник головой, а Василий Горох от печи подал язвительный голос:

– Велика плата – шесть копеек за полста верст по ухабам! Новой рубахи за ту плату не купить, чего уж там греха таить.

Федор шмыгнул отсыревшим носом: прошлым летом на заводских работах у него пала лошадь, так Оборотень еще и плетью его отстегал! Пришлось минувшую зиму на себе поваленные лесины к дороге вытаскивать, пока не надорвал спину. Теперь вот заново в лес гонит! Кулаки налились тяжестью, но Федор не посмел поднять от пола сумрачного взгляда – приметит этот взгляд Оборотень, тогда и вовсе житья не даст.

Приказчик вдруг вспомнил и повернулся к поникшему Федору.

– Молодой барин завтра в имение прибывает. Пошлешь поутру свою дочь к стряпухам. Поможет столы господам накрыть.

Как подрезанный, упал Федор на колени.

– Батюшка, голубчик Прокофий Данилыч, не губи девку... Она в поле с лихвой отработает! Не вели быть ей в услужении, сгубит ее этот блазнитель. Был ведь за ним такой грех... Не ровен час он...

Прокофий Оборот ответил, как натянутый канат обрубил:

---

¹ 25 марта (5 апреля). – Здесь и далее примечания автора.

– Будет скверными словами блевать! И не кривой Пелагее с черными ногтями прислуживать молодому хозяину. Не моя это воля, хозяйская! Нынче в обед кульер от него прискакал, чтоб хоромы сготовили и протопили. Битый час о пустяке толкую, тьфу!

Федор махнул ладонью по мокрым скулам, поднялся с колен, закусил губы и умолк.

– Уразумели, выборные? После Благовещенья всем выходить на Дугненский завод. Да без всяких хитростей и уверток змеиных, плуты бородатые. Всех здоровых поставить под инструмент, иначе отведаете кнутов!

Приказчик, провожаемый поясными поклонами, ушел.

– Тьфу, лихоманка нас побери, – ругнулся Кузьма, как только за темным окном застучали глухие удары копыт. – Он облаивает всячески, словно пес загнанную на забор кошку, а мы ему поклонники в резвые ножки. Гнемся, гнемся... Будто и не люди вовсе, а так себе...

– Э-э, какие мы люди, – махнул рукой Федор. – Так себе, жижа дорожная. Облезлый козел и тот топчет.

– Вот и дождались ласкового словечка от паралитика. Не прознал бы как про нашу потайную задумку, – сквозь зубы протянул Михайло Рыбка. – Что теперь делать будем? – И он посмотрел на Василия Гороха, который так и не оторвал от теплой побеленной печки сутулую спину, сосредоточенно разглядывал свои пальцы, изрезанные крепкой дратвой.

– Аль что удумали? – Андрей Бурлаков наконец-то прошел от порога к столу, поочередно осмотрел выборных. Мужики переглянулись, словно совещаюсь – открыться ли волостному старосте?

– Если в бег надумали удариться, так и о нас заботу поимейте! – загорячился Бурлаков. – Отрабатывать у Демидова и за вас придется сельскому миру. В подушный оклад все вписаны!

Слухами о побегах воздух над землей был налит так же густо, как по весне цветущей черемухой – не продохнуть.

Василий Горох наискось стукнул кулаком о кулак, словно кремнем о кремь, высекая искру, уронил в седую перепутанную клоками бороду:

– Ты, Андрей, не суетись. Дума у нас светлая зародилась... С часу на час ждем Ивана Чуприна – что принесет он из Оболенской волости? А там и смотреть будем – в бег ли, а может, еще куда подадимся всем миром. Кой черт и дале неволю терпеть!

– Вона-а что, – выдохнул волостной староста. Снова вытер со лба выступившую испарину. – Отойти от Демидова порешили? Но мыслимо ли такое? Пытались ведь супротивничать...

– Видишь, какова у нас тайная вечеря нынче? Только Иуду промеж себя мы не потерпим! – жестко бросил Михайло, прошел к столу и сел там, где сидел Оборот. – Отошли ведь Оболенской волости крестьяне от князя Репнина! Смогли как-то. Через Чуприна хотим дознаться и мы о том счастливом пути избавления. Да и тебе, Андрей, от мира отбиваться не пристало. Нарекут люди вторым Оборотнем. Не на твоих ли глазах Демидов год от года нас все боле разоряет? Мало у кого на дворе лошаденка уцелела...

Хозяйка покашляла за пологом, и Михайло тут же утер голос, мужики на время приотмолкли, задумались.

Тринадцать лет тому назад по жалованной грамоте от государя числились ромодановцы за графом Михаилом Головинным и платили ему оброк. В 1739 году граф продал Никите Демидову всю волость, 18 сел и деревень, за тридцать три тысячи рублей. Приобретя крестьян, Демидов начал строить железные заводы, нещадно гонял мужиков в отработки зимой и летом. Через два года зароптали было приписные крестьяне, да Демидов вызвал солдат. Несколько человек было побито и повешено, прочим учинили суровую порку.

Андрей Бурлаков напомнил по этому поводу:

– Не висеть бы и нам на осиновом глаголе, как Иван Герасимов. И вины-то его было на грош – повез в Калугу к воеводе на показ побитых солдатами мужиков. Среди тех побитых и

его брат Осип лежал. Думал управу на Демидова сыскать. Но воевода-лиходеи выдал мужика Демидову, а тот взял да и повесил жалобщика... Другим в устрашение. Вот каков наш хозяин ласков.

– Все они в одной стае, воеводы и хозяева, – уронил Кузьма. – Побитому петуху с жалобой на бабу к лисе лучше не бегать, не только перья растеряет...

– Робость берет перед воинской силой, – согласно кивая, страдал-таки мужиков волостной староста, чтобы отговорить от возможного бунта против Демидова. – Придут из Калуги всем драгунским полком и побьют.

– И такое может случиться, – негромко проговорил молчун Василий Горох. – Не исколовшись, крыжовника не собирать. Сколько нам еще горе мыкать под Демидовым? Надолго ли нас хватит? От натуги у мужиков спины ломаются, а у баб раньше срока выходят на свет божий детишки мертвые. – Горох опустил голову, зашевелил сцепленными на коленях пальцами. За пологом послышался сдержанный вздох хозяйки. Это ее родная сестра прошлым летом надорвалась и разродилась мертвым сыном, сама же в горячке через три дня отошла...

Мужики молчали – у каждого своя печаль за плечами пудовой гирей повисла, горло мнет. Федор поднял к иконе голубые влажные глаза.

– Упаси, Господи, дочь мою Акулину от барского соблазна. Пригожа да румяна девка выросла, не польстился бы спьяну непутевый гулена.

Кузьма присоветовал:

– Скажи ей, пушай крайние обноски наденет да сажай извозится, чтоб не зарился Демидов. Час от часу не легче нам.

– Э, брат, не упасешь... Видел ее Иван Демидов, гостинцами улещал.

Хлопнула плохо подогнанная в воротах калитка, кто-то тихо и ласково позвал собаку, потом скрипнуло расшатанное крыльцо, и на пороге появился приземистый, лет пятидесяти человек-покатышка. В плечах широк, с такой же, как и сам, квадратной бородой. На смуглом, изрытом оспой лице широко разнесены серые глаза под отвислыми тяжелыми веками. Полы однорядки забрызганы дорожной грязью.

Пришедший внимательно осмотрел мужиков и, ткнув перед собой толстым указательным пальцем, вдруг озорно хохотнул:

– Что это вы на слепую копилку, как сычи на утреннее солнце, надулись? Али на ночь глядя Михайло рассказал вам сказку про Кашея Бессмертного?

– Оборотень только что на этом пороге был, – буркнул Рыбка. – Такую ли страшную сказку поведал нам от Демидова, что и до сей поры очухаться не можем. Сидим как чурки, будто ночь переспали в угарной избе.

Василий Горох поторопил:

– Сказывай, благовестник, с чем возвернулся? Больно весел...

Иван Чуприн глянул на испачканные грязью сапоги, вернулся в сенцы, пошмыгал ими о солому, потом снова прошел в избу. Подсел к столу рядом с Горохом, который оставил наконец-то печку.

– Сперва сказывай ты, Михайло, с чем Оборотень приходил.

– Передал хозяйское распоряжение всей волостью ехать на Дугненский завод в работы. Пропала пахота! По осени бабам и ребятишкам опять идти по чужим деревням куски собирать Христа ради. Который год одно и то же.

– Так не бывает этому! Не по царскому указу владеет нами Демидов! И мы вольны его не слушать! – Иван вскочил, хлопнул шапкой о столешницу.

Федор живо поднял глаза на Чуприна, в глазах его вспыхнула надежда. Андрей Бурлаков в сомнении покачал головой: не по указу владеет ими Демидов, так все одно куплены они хозяином. Куплены по купчей крепости и, стало быть, крепостные.

Василий Горох покосился на впечатлительного Федора: экий, право, взрослый ребенок! То плачет, то в ладоши готов хлопать. Резко потянул Чуприна за рукав, усадил рядом.

– Да не шкварчи ты, словно ерш на горячей сковороде! Прознал если что разумное, разумно и сказывай.

– Прознал, мужики. – Иван поерзал на лавке, успокаиваясь, но руками то и дело взмахивал, будто норовил поймать верткую моль, что мельтешит перед глазами. – Поимел я беседу с выборными мужиками Оболенской волости. Сказывали, что писали они всем миром челобитную матушке-государыне на своего князя Репнина, чтоб не продавал он их в другие руки, а быть им вновь за двором матушки-государыни в оброке. И вышел им такой указ, зачислены во дворцовые. Хотя и не совсем вольные, но живут много сытнее нашего.

Иван обвел взглядом сотоварищей – каково теперь их слово? Андрей Бурлаков сгреб в кулак бороду и дергал ее из стороны в сторону так, словно проверить хотел, крепко ли держится голова на плечах. Василий Горох барабанил жесткими пальцами по столу, что-то бурчал себе под нос. Федор с нетерпением смотрел в глаза Чуприну – похоже было, ждал, что вот еще минута, и Иван вытащит из-за пазухи обсургученный указ царицы Елизаветы Петровны о выходе ромодановцев из-под Демидова. Кузьма Петров ушел в свои думы, покусывая нижнюю губу.

– Так что, мужики? Выходит, и нам следовать таким же путем, – не то спросил, не то утвердительно проговорил Михайло.

Понятно мужицкое тугодумие: на опасный, а может, и смертный путь могут ступить они в эту минуту. Есть еще время отказаться, смирить гордыню и покорными выйти всей волостью на Дугненский завод. И жить, как жили прежде, а там как бог даст...

– Писать челобитную государыне! – решил-таки первым Кузьма Петров. И увидел, как вспыхнули при этих словах глаза Чуприна. – Пусть даст нам именной указ быть либо за дворцом, либо за Демидовым, чтоб зря он нас не приневоливал, чтоб хозяйства наши не разорял. Теперь же мы и не пахари и не работные!

– Верно, – подтвердил Василий Горох. – По воле Демидова мотаемся сырым туманом над землей – ни вода, ни тучи.

– Ты как мыслишь, Василий, устоим миром супротив Демидова? – Чуприн резко повернулся к Гороху.

– Ежели всем миром как один – устоим! Другого пути избавления от Демидова нам нет – надо бунтовать! – и Горох неистово перекрестился. Вслед за ним перекрестились Михайло, Кузьма, Иван. У Федора заметно вздрагивали пальцы, когда он подносил их ко лбу. Андрей Бурлаков не утерпел и вновь напомнил про семьсот сорок первый год:

– Побьют нас, видит бог – побьют. Готов удариться об заклад!

– Потому и побили, что скакали от демидовских приказчиков проворнее кузнечиков из-под конских копыт! – Чуприн вскочил на ноги, решительно уперся костяшками кулаков в столешницу. – Неужто Оболенские храбрее нас? Да если взбунтуется вся волость и уйдет со всех заводов да на Каменный Пояс к нашим же вывезенным родичам весть как ни то подать – закачается Демидов!

Долго еще сидели и думали в тот поздний вечер мужики, и долго еще слабый свет копилки едва пробивался сквозь тусклые окна избы Михайлы Рыбки.

В центре волостного села Ромоданова, на взгорке около спокойной подо льдом реки Оки, в двухэтажной усадьбе Демидовых горели в серебряных витых подсвечниках толстые свечи. Дворовые бабы отмывали и оттапливали после зимы хоромы перед приездом молодого хозяйского сына Ивана вместе с его разгульными сотоварищами из столицы...

Федор, возвратясь домой уже с первыми петухами, долго стоял около уснувшей дочери, потом перекрестил ее и, не отвечая на расспросы жены Анисьи, молча полез на полати к отцу Капитону и сыну Илейке.

Глава 3. В потайной темнице

Капитон, спасаясь от неминуемой гибели или тяжкого увечья, едва успел отшатнуться в сторону. словно чужие и потому непослушные ноги подломились в коленях. Они рухнули рядом – подрубленная сосна и человек, измотанный непосильным для возраста трудом. Рухнули на влажный ноздреватый снег и на холодные светло-желтые щепки. Сквозь образовавшийся прогал в густом своде хвойного леса – там только что подрагивала разлапистая крона обреченного дерева – Капитону в лицо насмешливо сверкнуло лучами искристое солнце. Из-под влажной потертой мурмолки в морщины у глаз набежал пот и голодным комаром жадно вьелся в воспаленные веки. Старик невольно зажмурился.

– Господи, не ушибло? – К Капитону подбежал Федор. В голубых усталых глазах – смятение: ну как упавшее дерево да изломало старого родителя!

– Вот так бы и соборовался, не вставая боле, – отозвался Капитон. В груди у него хрипело и посвистывало. С заметным усилием протянул сыну руку. – Помоги, Федюша, выбраться.

Капитон завозился, упер в подтаявший снег локти. Федор отстранил протянутую руку, подхватил родителя со спины, помог встать на ноги.

– Ну вот, а то разлегся гнилой колодой поперек дороги – людям не проехать, – вымученно улыбнулся Капитон. Огладил ладонью влажные от дыхания усы и длинную седую бороду, в которой запуталось несколько мелких щепок, вылетевших из-под топора.

– Перемогаем малость, Федюша. – Капитон сел на шершавый ствол сосны, отряхнул с намокшей однорядки снег и мелкую щепу, прикрыл озябшие колени, плотно прижав их друг к другу.

Федор вогнал в пень топор, сел рядом, усталым движением руки стащил мурмолку, утер ею лицо: над влажной головой, словно над приоткрытой дверью предбанника, за клубился густой и терпкий пар.

– Укрой голову-то, не на сенокосе, – проворчал Капитон, и Федор тут же надвинул суконную мурмолку по самые уши.

Отдышались, снова в два топора рубили очередное дерево. По всей делянке демидовский вальдмейстер² наделал множество глубоких засечек, от которых лес здесь, если глянуть издали, казался серой занавеской, густо избитой дробью.

До обеда свалили еще две сосны, а посшибать ветки сил уже не осталось. Решили передохнуть и отобедать на скорую руку.

– Тьма красная плещет в глазах, – пожаловался Капитон. Телом еще крепкий, он в последние два-три года нет-нет да и сетовал на головную боль, от которой в глазах становилось темно. В такую минуту хотелось лечь на лавку с вытянутыми руками и позвать сельского попа Семиона Макарьева. Но смерть, должно быть, в ту пору занята была кем-то другим, Капитон отлеживался, и домашние хлопоты заставляли брать в руки крестьянский рабочий инвентарь.

А тут вот зимняя опостылевшая лесная отработка так некстати затянулась, почти до весенней распутицы...

За спиной раздался треск валежника и надрывное сопение.

– Шатун проклятый! – Федор выдернул топор из пня, резко обернулся – сквозь мелколестье напролом, не видя рядом протоптанной в снегу тропинки, продирался не потревоженный медведь, а младший сын Илья, отрок четырнадцати лет.

– Илейка, что стряслось?

---

² Вальдмейстер – смотритель лесов, лесничий.

Илейка едва осилил последние десятки шагов, упал на поваленную сосну, уперся голыми ладонями в запорошенную снегом кору, не чувствуя холода. Лицо разопрело от бега, залито разводящими пота. Карие глаза подернуты пеленой усталости – запалился отрок до крайности.

– Акулинушка... – дыхание у Илейки сбилось, говорить дальше он не мог, хватал открытым ртом сырой воздух.

Федор выронил топор, качнулся, отыскивая рукой ствол дерева – опереться.

– Что... Акулинушка? Сказывай...

– Нынче... чуть свет... кинулась в прорубь. – И тут Илейка не сдержал себя, уткнул красное лицо во влажные от снега ладони и завыл.

Капитон вскочил, вскрикнул от боли под сердцем и повалился на истоптанный, засыпанный щепками снег.

У Федора словно оборвалось что-то в груди и ледяным комом уперлось в ребра. Он подхватил топор и медведем полез в мелколесье, в сторону Ромоданова.

– Тятенька! – кинулся было за ним Илейка, но Федор, вполоборота, крикнул:

– За дедом присмотри! – И побежал, не разбирая дороги.

Восемь верст показались как одна. Возле проруби Федор упал на колени на лед, испачканный конским навозом. Здесь, близ перевоза через Оку, мужики останавливались напоить обозных коней.

Над темным глянцевым овалом воды чуть приметно клубился пар.

«Акулинушкино дыхание поднимается!» – У Федора под мурмолкой зашевелились сплывшиеся волосы.

– Доченька-а, – со стоном провыл он и в бессильной ярости ударил кулаками по закругленному краю проруби. На льду остались светло-розовые пятна: сбил на суставах кожу.

Слева, со стороны Калуги, спускался к реке длинный обоз. Долетали крики возниц, собачий лай, различимо уже конское пофыркивание и скрип сбруи.

Федор с трудом привстал со льда, снова сел, опустил руки в обжигающе холодную воду, подержал так несколько секунд, прощаясь с дочкой, поднял брошенный рядом топор и, словно в беспробудном хмелю, мимо голого, заваленного снегом леса начал подниматься от реки в Ромоданово. Скользили ноги по накатанному санями снегом, когда вдоль знакомых подворий, ничего не видя, брел он к демидовской усадьбе. Дворовая стряпуха Пелагея, столкнувшись лицом к лицу с Федором, всплеснула руками и, зацепив бадью с помоями, в страхе метнулась с крыльца к боковым пристроям.

– Спаси-ите! Душегубство будет!

– Кой черт там вопит и грохочет? – раздался знакомый густой бас, сверкнула начищенными ручками и распахнулась дверь. Из темных сенцев на крыльцо вышел Прокофий Оборот. Следом появились четыре демидовских стражника, подобранные один к одному, здоровые, охотники до разгульной жизни на даровых хозяйских харчах.

Оборот увидел ополоумевшего Федора, топор в руке, порадовался, что молодой хозяин вовремя отбыл из усадьбы, внял его настойчивому совету.

«А этот похнычет, похлопает носом да и уgomонится в темном запечье, – усмехнулся про себя Прокофий Данилович. – Первый, что ли, на земле мужик, чья дочь в девках достается барину? Деньги любое горе умаслят...»

– Батюшка, Прокофий Данилыч, как же так? – Федор растерянно потянул руку снять перед приказчиком мурмолку, но пальцы скользнули о простоволосую голову: когда обронил шапку свою у проруби, и не приметил.

– Клим, отбери у него топор, не в себе мужик, – распорядился Прокофий Оборот.

Федор с трудом выпустил из рук словно прилипшее к ладони топорщице.

– Закаменел ты, что ли? – ругнулся Клим, дернул за топор, а сам опасливо косился на Федора – кто знает, что у мужика на уме, тукнет сверху, и охнуть не успеешь.

– Такова наша доля под господами, брат Федор. – Прокофий распахнул кафтан, покопался в кармане темно-синего сюртука, достал несколько серебряных целковых и протянул на полураскрытой ладони. – Бери, барин повелел передать тебе на поминки...

Словно холодные отполированные льдинки в проруби блеснули серебряные кругляши, и блеск этот калеными искрами упал Федору на сердце.

– За погубленную душу – иудины сребреники? – вскрикнул Федор и вдруг, самому себе в неожиданность, резко ударил по протянутой руке приказчика. Звякнули и разлетелись тяжелые монеты, пропали в рыхлом снегу.

Рыжие брови Прокофия полезли под баранью мурмолку: вот так хлюпик-плакса! Мухи, бывало, не обидит, а тут хозяйские – и не малые! – деньги из руки вышиб, словно плесневелые лепешки, протянутые в насмешку просящему Христовым именем!

– Ты что это? Сдурел? – опешил Оборот. – Такими целковыми швыряться! Неужто карманная чахотка-безденежье не надоела?

Один из подручных приказчика нахально рассмеялся – что с воза упало, то пропало! – сбежал с крыльца и зашарил голыми руками в мокром снегу.

– Просил ведь – не посылай дочку в услужение, – прохрипел Федор сдавленным горлом и шагнул на нижнюю, залитую помоями ступеньку. Он судорожно глотал комок в горле, но тот ниже кадыка не уходил. Лицо дергалось, как у парализованного, в злом оскале кривился рот.

Приказчик отступил на шаг, заговорил, как бы оправдываясь:

– С барином, брат, не поспоришь. Мало ли девок на земле достается хозяевам? Ты выбрось из башки всякую дурь. Ишь, нежности какие – переспал с ней молодой барин! Радовалась бы, дуреха. Глядишь, со временем в милости оказалась бы у Демидовых, в гору полезли бы. А то – нате вам! – утопилась, досадила кому-то. Расхлебывай теперь кашу. А коль и тебе хозяйское серебро не пришлось по нраву, пошел отсюда! И не вздумай докучать Демидову жалобами – высеку как сидорову козу. Сказано – пошел вон!

– Где этот паскудник блудливый? – Федор не слышал приказчика. Стараясь обойти Прокофия Оборота, пошел по ступенькам к парадной двери, украшенной сияющими медными ручками.

Оборот грубо ухватил его за рукав и развернул лицом от двери, начал толкать прочь.

– Куда прешь, нечистая сила! Рехнулся совсем? Знай сверчок свой шесток. Пошел вон, кабан вонючий, пока взашей не выбили!

Федор напрягся всем телом – литые из меди фигурные ручки с разинутыми медвежьими пальцами притягивали его к себе. Кафтан затрещал в плечах.

– Та-ак! – Федор словно впервые увидел приказчика перед собой. Глаза у него побелели и округлились. – Стало быть, и ты с демидовским вырождением заедино? Ах ты сводник паскудный!..

Удар кулаком пришелся Прокофию между глаз. Хрустнул не то палец, не то плоское переносье. По светло-рыжим усам приказчика хлынула кровь. Оборот вскрикнул, отшатнулся и зажал лицо, над растопыренными пальцами в маленьких глазах метнулся испуг – ждал повторного удара, потом в них зажглась волчья лютость.

– Клим, чего стоите! Бейте холопа! – крикнул Прокофий подручным, которые замешкались прийти на выручку.

– Меня же да бить? – Федор окончательно потерял самообладание, замахнулся во всю мощь плеча. – А черта лысого не хотели!

Из-за спины успели перехватить руку. Тупой удар в затылок сбил с ног, в глазах коротко вспыхнули яркие звезды, и тут же тяжело обволокла липкая и до тошноты горячая темнота...

Федор пришел в себя от сотрясающего все тело озноба. Вокруг крошечная тьма, сырой и затхлый от плесени воздух. Тишина. Прислушался – где-то вдали, как за глухой стеной, чуть

различалось надсадное гудение, словно огромная муха застряла в липкой паутине и бьется из последних сил.

Сколько он пролежал на этой влажной глине? День? Два? По пустому желудку понял, что лежит долго. Попытался встать – руки связаны за спиной. Поднялся-таки и наобум шагнул в неразличимое глазом пространство, уперся в бревенчатую стену, ступил вправо, ногой попал во что-то скользкое и упал навзничь, ударился затылком о какой-то ящик. На лицо посыпались древесные угли. Хватил полной грудью воздуха и задохнулся пресной пылью.

Очнулся от сознания того, что захлебывается. Мелькнула жуткая мысль: «И меня, как дочку Акулинушку, в прорубь». Дернулся ногами, чтобы оттолкнуться от невидимого речного дна и всплыть к солнцу. Успел вдохнуть мокрого воздуха и через силу открыл залитые водой глаза. Сквозь мутную пелену распознал размытые контуры склоненного над ним человека. Позади этого неясного видения на сквозняке колыхался огонь смоляного факела.

Слабая радость тонкой паутиной на ветру затрепетала в глубине затуманенного болью сознания – живой! Живой, если так нестерпимо ноют заломленные руки и саднит разбитая в затылке голова. Еле различимо, словно из-под ватного матраца, доносились обрывки человеческой речи.

Федора еще раз окатили ледяной водой. Он захлебнулся, закашлялся, сделал попытку сесть, но не смог.

– А-а, зашевелилась, змея подколотная! – Этот голос Федор узнал бы, наверное, и в преисподней. А может статься, что там он теперь и находится? – Запомнишь, аспид, каково холопу руку на хозяйского приказчика поднимать! Бейте его, пока вся дурь не выйдет!..

Вновь очнулся от холодной, со льдом, воды, которую тяжелой струей и с невероятной, казалось, высоты лили на избитое лицо.

– Глянь-ка, не очурилось разинское отродье!

Федор горестно усмехнулся, подумал про себя, словно про чужого: «Боже, да какой я бунтарь? Курице голову отрубить не могу – родитель Капитон до сей поры сам рубит. Вот Чуприн да Горох – те покрепче духом и телом. А мы с Андреем Бурлаковым...» – и тут же оборвал путанные мысли – а откуда ведомо приказчику, что он причастен к намечаемому бунту?

Прокофий Оборот все издевался над ним:

– Вон ведь как неожиданно все обернулось, разбойная твоя душа. Думал я прежде спустить тебя без мороки под лед, да и дело с концом. А вы недоброе затеваете супротив хозяина. Так вот, мотай на ус: откроешься, не утаишь ничего – милость получишь от воеводы и Никиты Никитыча. Уразумел, аспид?

«Какова демидовская милость – мне уже ведомо. Получили ее и от старого паралитика, и от молодого прелюбодея!..» – хотел выкрикнуть Федор, да не было сил разжать опухшие губы.

Не дождавшись ни слова, Прокофий Оборот рукоятью плети больно ткнул Федора в голову.

– Сказывай по совести и без утайки, зачем Чуприн шастал в Оболенскую волость? С кем там снюхивался? О чем шептались вы той ночью у Михайлы Рыбки? Кто еще ходит в зачинателях смуты?

Горячая истома, которая только что наполняла тело, вдруг сменилась невыносимым ознобом. Федор открыл глаза и четко, до каждой волосинки в бакенбардах, различил склонившего над ним Оборотня. Междуглазье у него распухло и окрасилось в сизо-синий цвет.

«Неужто в беспамятстве помянул я Ивана Чуприна? Ох господи, вот беду накличу на содругов! Переломает теперь мужиков проклятый Оборотень, если доподлинно прознает про наш сговор писать на Демидова челобитную матушке-заступнице нашей... Отпереться надобно, непременно отпереться».

Сделал над собой невероятное усилие, разлепил губы и сквозь стук зубов еле выговорил:

– Неведомо мне... о чем ты спрашиваешь... Прокофий Данилыч. – Федор говорил, а сам на слух не узнавал собственного голоса: разбитые губы кровоточили и почти не шевелились. – А что руку поднял... прости Христа ради, разум помутился от горя и обиды за дочку... Где я теперь? – Он сделал попытку привстать на колени.

Острая боль в левом боку едва не лишила сознания – Прокофий Оборот со всего маха ударил сапогом под сердце.

– Скажешь, пес полудохлый, для какого стовора Чуприн летал к оболенским мужикам темной ночью? Ну-у? Будет нам бредни нести!

Федор с трудом перевел сбившееся дыхание, покосил глазами – по бревенчатым стенам развешаны кнуты, железные цепи, вбиты крюки. В правом дальнем углу низкий свод полыхал розовыми отсветами, словно туда каким-то чудом проникали лучи уходящего на покой багряного солнца.

«Жаровня там, – ужаснулся Федор. – Пытошная под домницей Выровского завода! Это о ней среди работных мужиков ходил тайный слух как о преисподней, сооруженной Никитой Демидовым пытать супротивников... Живу мне отсюда не выбраться, если и содругов выкажу Оборотню! Надо было бы топором его, а не кулаком...» – запоздало подумал Федор, набычился и ожесточил сердце против изуверов.

– Ага! Боязненная бледность на лицо пала! На дыбу аспида!

Сильные руки подхватили Федора, рванули вверх и ловко зацепили крюком за веревки на связанных запястьях...

– Окатите водой, чтоб очухался! – кричал Прокофий, и Федор жадно хватил глоток холодной воды – горело все нутро.

– Узнаешь меня? – Оборот вплотную подошел к сникшему Федору, дернул за мокрую бороду. – Неужто не хочется зреть небесное светило? Неужто сына оставишь сиротой на погибель?

Федор упорно молчал. «Отпереться, непременно отпереться... Изломает мужиков по одному треклятый в этой пытошной».

– Будешь дальше упрямиться, не скажешь про Чуприна и иных смутьянов – живым сожгу на углях и кости ссыплю в домницу! Вот и весь тебе мой сказ! За каким чертом Чуприн ездил к оболенским?

Федор отрешенно молчал...

Домой Прокофий Оборот приехал в тот вечер затемно и мертвецки пьяным. Подручные, тоже в изрядном подпитии, перепачканные землей, волоком втащили и небрежно бросили приказчика на прибранную кровать с кружевным покрывалом на пуховых подушках.

Напуганная жена – прежде такого за мужем не водилось – всплеснула ладошками, выгнала прочь из дому любопытную приживалку-странницу, чтобы не разнесла лишнего по соседям, и принялась сама стаскивать с Прокофия сапоги, испачканные влажной глиной.

– Ты это, моя бранчливая Прасковеюшка? – прохрипел Прокофий, силясь поднять голову. – Ну-ну, не ломай брови... А мы под корень того аспида, хе-хе, и концы замочить, бесследно чтоб было...

Просковья живо хлопнула мужа по губам и боязливо оглянулась – плотно ли закрыта дверь из спальни в людскую горницу?

Глава 4. Сход принимает решение

Холодными туманами изошло мокрое Благовещенье. Словно змея, сменившая кожу, обновилась и ожила Ока, сбросив унавоженный и затоптанный ледяной сарафан. Набухали мутною талою водой овраги и суходолы, близ жилья первые скворцы сменили ушедших в отлет красногрудых снегирей.

Истекли давно сроки, по которым ромодановцам следовало прибыть на работу к Дугненскому заводу, а села и деревни даже и не поднимались в отъезд. Месили холодную дорожную жижу между селами торопливые ходоки; остерегаясь демидовских доглядчиков, собирались вечерами в чуть освещенных избах выборные, и вновь до хрипоты спорили, быть им или не быть за Демидовым.

Порешили – на Фомино воскресенье недели Святой Пасхи собрать в Ромоданове общевойсковой сход, там определить свою участь.

Капитон упросил Андрея Бурлакова оповестить нижележащие по Оке села, чтоб если отыщется тело утопленницы Акулины, то дали бы знать в Ромоданово.

Бурлаков обещал, а Капитон подстерег Прокофия Оборота около демидовской усадьбы и спросил, куда увез он сына Федора?

Оборот вперил в растерянного мужика тяжелый враждебный взгляд – под глазами все еще сине-фиолетовые круги, – процедил сквозь стиснутые зубы:

– В конторе воеводской узнавай, куда свезли твоего разбойного сына. А явишься еще раз мне пред очи – велю высечь на конюшне. Пошел прочь, разинский выродок! – На скулах желваки ходуном заходили, так что зашевелились бакенбарды.

Капитон убрался от греха подальше и теперь потратил последние копейки на паром, чтобы переехать в Калугу. Придерживаясь за шаткие плетни и заборы, брел по раскисшим от частых дождей улицам города, робко постучал костяшками пальцев в серые дощатые ворота Калужской провинциальной канцелярии. Привратник, отставной безрукий солдат, привычно спрятал в левый карман две медные копейки, пропустил Капитона во внутренний двор. Тщательно вытерев лапти о зашмыганную солому перед крыльцом, Капитон долго топтался, дожидаясь своей очереди в приемной, а потом наконец-то предстал перед тонконогим и худющим канцеляристом Пафнутьевым. Здесь же, будто барин у себя в хоромы, вальяжно развалился в плетеном кресле близ запотевшего окна приказчик Оборот.

Пафнутьев надел на нос круглые стекла, повертел протянутое Капитоном прошение, швырнул на стол – там таких измятых в карманах бумажек целый ворох.

– Твой бунтарского духа сын Федор повязан веревками, бит плетью и препровожден под караулом в контору Правительствующего сената. Там с него снимут надлежащий допрос – как посмел руку поднять на должностное лицо, – при этих словах уважительный жест в сторону приказчика Оборота. – А тако же спрос поимеют с него, кто тому бунтарству подстрекатель. Ты же, старик, боле мне не докучай никчемными прошениями, иначе быть и тебе повязану. Ступай! В бирюльки играть недосуг мне.

Капитон неловко переступил набухшими от сырости лаптями, посунулся было спиной к двери, да Пафнутьев вдруг остановил его властным жестом руки: так ловчий ставит в стойку охотничью собаку:

– Назовешь мужицких заводил бунта – повелю быстрым курьером возвратить Федора домой. И никакого спроса под батогамы ему не будет в Сенате. Скажи, кто затевает смуту и непокорство Никите Никитычу Демидову? Что умыслили мужицкие атаманы?

Жалобно скрипнуло плетеное кресло – это Прокофий Оборот резко поднялся на ноги. Широкие ноздри приплюснутого носа раздулись.

– Может, на Дон толпой бежать порешили? Или еще куда? Что молчишь, старый аспид? Говори! – и замахнулся, грозя вернуть старику сыновий удар, но канцелярист остановил его испуганным возгласом: в присутственном месте ведь, не в пыточной камере!

У Капитона волосы взмокли от неожиданного оборота дел – о замысле выборных он ничего не знал: носятся по селу слухи, словно тополиный пух в пору цветения, ждут мужики каких-то событий. Но каких? Занятый своими заботами, Капитон на мужицкие пересуды не обращал внимания.

– Поди прочь с глаз! – резко выкрикнул Пафнутьев. – Нет у тебя желания спасти от каторги и вырывания ноздрей родного сына! Если прознаешь что о смутьянах, тогда и приходи вызволять Федора. – Канцелярист сдернул пенсне с носа, отвернулся к мутному окну, где низ стеклов был покрыт толстым сырым льдом.

Недобрая усмешка скользнула по искривленным злобой губам Оборота, когда Капитон, откланиваясь, пятился к двери.

«Жив мой Федюша, ну и слава богу. А про каторгу зазря он брякнул – страшает. Отбузуют для вразумления плетью, чтоб вдругорядь уважение имел к хозяйским слугам... Мужику не привыкать к порке. Конь и тот попервой взбрыкивает, не хочет влезать в оглобли, а потом ништо, ходит как миленький, тянет свой воз, пока ноги держат».

Вышел на крыльцо под голубое, в редких облаках небо, натянул на голову мурмолку, поделился с бородатым привратником:

– Жив мой сын Федор. Только и беды за ним – ударил Прокофия Данилыча. В сердцах он был о ту пору, не от злого умысла. Сказали, что в Сенат под караулом повезли. Далеко-то как...

– Иди себе, – безучастным голосом проворчал отставной солдат: всем не насочувствуешь, сюда не с радостью народ валом валит, ворота порасхлябили, правды доискиваясь. Отвернулся: резкий порыв ветра трепанул пустой рукав долгополого кафтана.

Капитон откланялся сгорбленной спине привратника:

– Прощевай, родимый, – и вдоль заборов, где не так истоптана земля, побрел вниз, к переправе через Оку.

Перекликались над городом стаи диких гусей, беззлобным лаем провожали Капитона собаки. Издали доносился колокольный звон Лаврентьева монастыря, который стоял пообок с домом воеводы Федора Шагарова, на берегу речки Ячейки.

По скользкой круче Капитон осторожно сошел к перевозу, остановился у древнего вяза, за который был закреплен канат до ромодановского берега.

Рядом облокотился на палку односелец Парамон, работный с Выровского завода. Забрызганный грязью почти до опояски, с желтым болезненным лицом, Парамон завидел Капитона, и будто его кишечные колики схватили, покривил изморщиненным лицом. Потом выпрямил спину, стащил с лысой желтокожей головы мурмолку и тут же отыскал взглядом кресты над церковью в Ромоданове, перекрестился.

– Упокой, Господь, душу раба твоего Федора.

Капитон вскинул на Парамона настороженные глаза, переспросил тихо:

– Ты... ты по кому это, Парамонша, упокойные кресты кладешь?

Парамон задергал редкими сивыми бровями, запоздало помолчал, жалостливо всматриваясь в лицо Капитона – бледность, будто густая побелка на прикопченную стену печки, плотно легла на щеки старого Капитона.

– Так тебе что... неведомо разве?

– Про что? Про что мне неведомо? – Капитону показалось, что пологий песчаный берег Оки вдруг резко вздыбился.

– Как же про что? Про Федора, сына твоего. – Сивые брови Парамона поползли вверх, морщина лоб. Бороденка мелко затряслась: вот так новость вместо соболезнования преподнес он товарищу далекого детства!

Капитон едва успел ухватиться за туго натянутый канат перевоза. Парамон поддержал под локоть, еле различимо просипел:

– Вот ироды... Сгубили человека и концы скрыли в воду...

Капитон потухшими глазами смотрел на толпу мужиков, которые сошли с парома и поднимались мимо него в гору, судача о том, что по всем приметам быть в этом году хорошим покосам: на Марью-половодницу вон какой выпал богатый разлив!

– Как же так, Парамоша? – пробормотал Капитон, давясь горькими слезами. – Может статься, ты что не так слышал, а? – Голубые глаза застлала соленая влага. – Ведь вот только я из канцелярии. Сказывал мне Пафнутьев – в Питербурх повезли Федю... Живой, стало быть. А ты – упокойные кресты по нему...

Парамон долго и со свистом кашлял, сплевывал под ноги в грязь. Правая рука подрагивала, сжимая горло серыми пальцами.

– Застудился минувшей зимой у домницы. Вот, вишь, хворь желтокожая одолевает. Сырость эту вряд ли переживу. А про Федора... доподлинно верно обмолвился. Вот как оно вышло, слушай. Случилось мне по делу в контору нашего Выровского завода зайти. Покамест я в сенцах голиком счищал грязь с лаптей – чу, в приоткрытую дверь пьяный голос приказчика подручного Клим доносится. Что-то про твоего сына рассказывает. Федор-то не был в работных на заводе постоянно, вот я и наострил уши – что за интерес у Климки к нему? А Клим возьми да и скажи кому-то, знать не один был в конторе: «Дурак Федька! Удумал же такое – Прокофию да прямо в глаза и брякни: „Зверь ты! Оборотень ты замогильный!“ И еще плюнул кровавой слюной в бороду приказчика. Прокофий-то и не стерпел, будучи во хмелю, сгоряча ухватил раскаленный в жаровне прут да и прожог мужику грудь. В самое сердце угодил – Федор и не дернулся, обвис на дыбе, будто метелка зрелого проса, серпом подрезанная. А потом повелел нам закопать ночью в лесу да молчать. Целковыми вот одарил, чтоб языки проглотили... И пьем! Вот я, к примеру, язык водкой заливаю, а он не сглатывается! Ха-ха-ха! А тот Федька на дыбе по ночам является мне и кричит истошным криком: „Оборотень ты замогильный!“ Бр-р! Я что, я мелкая козявка, что сказали, то и сотворил тайно, а вот поди же ты, совесть, должно, и у меня есть...»

Капитон повис на тугом канате, словно осенний перезревший хмель на крестьянском плетне.

– Что еще Клим рассказывал... про Федюшу? – только и достало сил спросить. Далекий звон монастырских колоколов казался теперь не радостно-праздничным, а погребальным. И перелетные птицы над головой кричали тоскливо, жалостливо. Слезы жгли не глаза, а сердце Капитону, как то раскаленное железо в руках нелюдя Оборотня.

Парамон рукавом однорядки вытер мокрые губы, добавил, что дверь в боковую комнату в тот момент открылась, послышался голос приказчика и пьяный Клим умолк. Парамон догадался сделать вид, будто только вошел в сенцы и хлопнул дверью.

– Что делать теперь станешь? Жалобу подашь?

Капитон судорожно всхлипнул, смахнул с глаз едкие слезы, но божий свет голубее не стал – в очах тьма, грудь резала невыносимая боль под сердцем.

– Жить надобно, Парамоша... – И протяжно ойкнул – по левой стороне груди вновь будто ножом полоснули. Стоял затаив дыхание, пока чуть-чуть отпустило. – Жить надо... Дом на мне, домочадцы, внук Илейка, наш корень на земле. – Помолчали. Парамон кашлял, отворачивая багровое от натуги лицо в сторону. – А что сгубили Федюшу, о том не рассказывай никому... Бабам моим будет спокойнее, а тебе бережливее. Оборотень и тебя может рядом с Федюшей завалить сырой землей.

– И то, – испугался Парамон, вновь зайдясь кашлем. Стояли рядом, немощные, укатанные нелегкой жизнью.

На паром впускали желающих переправиться в Ромоданово. Капитон оглянулся на Калугу, но провинциальной канцелярии из-под берега не видно. Чуть слышно, будто ветру, прошептал:

– Ништо, Оборотень, поквитаемся кровью за кровь, придет и мой час.

Парамон не понял, но переспрашивать не стал, помог Капитону по дощатому мостку подняться с берега на затоптанную палубу парома.

* * *

В первых числах апреля 1752 года, на Фомино воскресенье, в Ромоданове был назначен волостной сход. Словно пчелы к улью, в волостное село дружно и с гомоном тянулись из окрестных сел и деревень мужицкие принаряженные толпы. Шли шумно, говорливо, в лихой отчаянности. И не с пустыми руками, знали, что сход может обернуться кровавой дракой. Последние дни видели, как зачастил Прокофий Оборот между растревоженным Выровским заводом, волостным селом и воеводским домом в Калуге, где просил солдат для охраны хозяйского имущества. Да не успел – нынче поутру на заводе чуть свет объявился Иван Чуприн с тремя десятками ромодановских мужиков. Повязали стражу, побрали ружья, огнеприпасы и казну, ударом в сторожевой колокол всполошили работных...

Подворье Капитона приютилось над речной поймой в дальнем от переправы конце села. Дальше, в полусотне шагов от плетня, глубокий овраг, над ним свисали две старые березы. Каждую весну, после схода талых снегов, Капитон приходил сюда и отмечал на глаз, близко ли подступила овражья круча к обреченным березам. Выходило так, что весны две-три еще деревья проживут, а там...

Потому-то Капитон одним из первых и приметил густую толпу работных, которые шли со стороны Выровского завода, а впереди – ну чисто атаман перед ватагой! – вышагивал приземистый бородатый Чуприн.

– Батюшки-светы! – подхватился Капитон и заспешил от оврага к проселочной дороге. – Неужто и вправду смута началась? Супротив Демидова поднялись мужики!

Чуприн поравнялся с ним, прищурил на солнце серые глаза и озорно выкрикнул:

– Приставай до нашего куреня, старый казак!

Капитон молча поклонился работным. Словам Чуприна не удивился: из этого рода немало было беглых парней в отважную Запорожскую Сечь. Их предок уже на памяти Капитона в 1708 году в отряде запорожского атамана Щуки бок о бок с Кондратом Булавиным под Паншиным городком бился с зажиточными казаками, затем сказывали, будто уже в Черкасском городке самолично сказнил царского слугу, атамана домовитых казаков Максимова. Потому и недоумевали односельцы, отчего не сбежал к запорожцам до сей поры и этот неугомонный Чуприн – Иван.

Капитон пообок с ватагой выровских работных поспешил к своему двору.

– Дедушка, ты к чему это берешь? – испуганно прошептал за спиной внук Илейка, когда приметил, что Капитон старательно прячет топор за тугой кушак под ветхой залатанной одной рядкой.

– Цыть, нишкни – бабы всполошатся, – зашипел Капитон на внука, потом устыдился своей резкости: внук обиженно поджал тонкие губы. «Мягок душой Илейка, весь в Федюшу. Чуть что – уже и слезы на глазах... Эхе-эхе, не дал нам всем Господь такого крепкого сердца, как у Чуприновых, обделил силой духа...» Привлек рыжеволосую голову внука к груди, неловко провел рукой по нечесаным вихрам.

– Видишь, на сход мужики собираются, Демидову супротивничать будут. И кто знает, не нагрянут ли солдаты из города? Идем, Илья – сила божья, послушаем, о чем умные люди говорить станут.

Из темных сенцев высунулась бабка Лукерья, повязанная чистеньким повойником.
– Ты куда это, старый?

– На кудыкину гору, – недовольно отмахнулся Капитон, крепко хлопнул калиткой.

На деревянной паперти церкви перед тьмой собравшихся мужиков в большом смущении топтался волостной староста Андрей Бурлаков. Здесь же и выборные: Василий Горох степенно оглаживает седую бороду, Михайло Рыбка из-под нахмуренных бровей волком смотрит на демидовскую усадьбу, готов хоть сейчас кинуться в смертную драку, жечь и крушить все кряду, чтоб хозяину оставить черные головешки. Иван Чуприн и Кузьма Петров о чем-то громко спорят: Чуприн неудержимо размахивает руками – так отбиваются от надоедливой июльской мошкеры. Кузьма изредка, соглашаясь, кивает головой, будто дятел долбит большим носом воздух.

Первым, требуя тишины, поднял руку Андрей Бурлаков, снял из черного барана мурмолку, обнажил крупную голову. Словно извиняясь за что-то, заговорил перед миром:

– Вот какое дело, мужики. Уведомил меня хозяин наш Никита Никитыч Демидов через приказчика Прокофия Данилыча, чтоб по миновании Благовещенья быть нам всей волостью на работах к Дугненскому заводу. И срок той работе, чтоб к пахоте нам возвратиться, не указывает. Потому и собрались мы всем миром. Давайте сообща думать, как поступить теперь нам – ехать ли в работы, к пашне ли инвентарь готовить?

Легкий настороженно-тревожный говор прошел по тесно сгрудившимся мужикам. Вот так спрос невиданный! Хозяин повелел, стало быть, нечего мешкать, ехать надо. И почему это выборные так поздно оповестили, неделю просрочили. Демидов крепко взыщет за такое нерадение.

И вдруг чей-то насмешливый и резкий голос прервал осторожные перешептывания:

– Не в убыток ли будет Демидову две тыщи мужиков блинами с маслом кормить на том заводе? Как бы не разорить нам щедрого хозяина до исподнего белья!

На эту шутку сход откликнулся сперва недружным, а потом почти общим смехом – каковы масляные блины у Демидова в работах, о том всем хорошо ведомо.

Перед сходом выступил Иван Чуприн. Размахивая зажатой в кулаке суконной мурмолкой, громко закричал:

– Доподлинно прознали мы, что мужики Оболенской волости писали челобитную матушке-государыне. И по той челобитной отошли от князя Репнина во дворцовые. Днями был я у оболенских выборных, совета-разума просил. И вот порешили мы сотворить то же – писать ныне от всего ромодановского волостного мира, от всех двух тыщ трехсот мужицких душ, приписанных к заводам, чтоб не быть нам за Демидовым! Потому как владеет он нами не по государеву указу, а по купчей от Михайлы Головнина! Тот Демидов заплатил за нас, за земли с угодиями немалые тыщи целковых. Потому и дерет по три шкуры, возмещая понесенные затраты.

Сход слушал и молчал. Так молчит лес, затаившись в ожидании первого шквала надвигающейся грозы.

– Давайте, мужики, решать сообща свою горемычную судьбинушку. Быть ли нам у треклятого Демидова и дале в послушании, идти ли в разорительные работы. Или писать челобитную государыне-заступнице и просить отобрать нас во дворцовые, пока Демидов не сгубил наше хозяйство под корень?

Какое-то время сход по-прежнему молчал, пораженный смелой бунтарской речью Чуприна, и только близ паперти слышен был надрывный, приглушенный рукавом кашель больного Парамона.

– А что? – вдруг выкрикнул рядом с Капитоном и Клейкой Гурий Чубук, выборный из села Игумнова. Гурий озорно вскинул над курчавой головой кулак с кукишем. – А не поднести ли нам старому Никите пасхальный подарочек – фигу под нос, а?

– Дело! Иного подарка он и не достоин!
– Пусть отведаст мужицкого гостинца!
– Ха! Кукиш-то не барский, беленький, а мужицкий, в черноте да в трещинах! – отозвались насмешливые голоса. И Капитон не удержался, стараясь перекрыть других, добавил:

– Пушай пьет с ним чай заморский!

И завихрились, полетели над сходом разгневанные выкрики:

– Платил бы за работу по совести, так можно бы и ехать к тому заводу!

– Да еще по хозяйству давал бы возможности справлять все ко времени!

– Скотину от бескормицы перевели вконец! Грудники коровьего молока не видят!

– Какое там молоко! – возвысил снова голос Гурий Чубук. – Каков коровий навоз, и то забыли давно! – И к выборным: – Что толку кричать на ветер. Писать государыне-заступнице! У нее, голубушки, доискиваться управы на Демидова. А нам с сего часа не быть за Никитой-паралитиком! Не быть, хоть и умереть всем!

– Нет больше нашей покорности Демидову! – подхватил Михайло Рыбка. – Хотим во дворцовые. И там нужда, но не такая гибельная. А Демидову набирать себе вольных работных по уговору.

– Вот это верно! – вновь закричал неугомонный Чуприн. – Мы не супротив заводов. Но пусть Демидов набирает работных по уговору. Мы же напишем челобитную и пошлем от себя ходоков в Питербурх. Да принесем клятву на святой иконе – до того времени, пока от матушки-государыни не будет ее собственной руки именного указа, стоять нам заедино!

Михайло Рыбка, не ворочая шеей, шагнул на край паперти, поднял над мурмолкой внушительный кулак.

– А будет так, что Демидов вновь пошлет супротив нас команду бить и вешать, то б тем командам не даваться в руки! Хотя бы и животы положить всем за волю! Согласны ли Крест святой и икону на том целовать, мужики?

– Согласны! – перекрывая всех, глушил Капитона и Илейку горлом Гурий Чубук, ликующий от сознания своей, неведомой прежде, смелости. – Кровью умоемся, но добудем себе лучшую долю!

– Умрем, а Демидову в руки не дадимся!

– Укоротим хвосты аспидам! Довольно Демидову и его приказчикам за нашим хребтом безмерно морды разъедать!

– Уж оно так! Мурмолку не подышут себе по размеру – щеки дальше ушей топорщатся!

Вокруг засмеялись, а Капитон, обнимая внука за плечи, подхватил:

– Истинно подмечено! Вон хоть наш Оборотень замогильный! Сам себя уже шире стал!

Не к месту вспомнил! Из-за церкви верхом на коне, в сопровождении четырех подручных, выехал демидовский приказчик. Напирая на толпу, он пытался проехать к паперти вдоль срубовой стены с закругленными сверху окнами.

– Поди! Поди прочь! – выкрикивал Прокофий Оборот и взмахивал для острастки витой плетью. – Кто позволил? Что за бунт? Марш по домам! Велю солдат из города прислать. Забыли, дурачье неотесанное, сорок первый год?

Ближние мужики потянулись к мурмолкам, начали по привычке кланяться крутому нравом приказчику.

С паперти донесся суровый, осуждающий голос Михайлы Рыбки:

– Что это вы, мужики, не иначе трясогузки у болота, все в пояс да в пояс? Довольно уже поклоняться Демидову и его псам цепным! Хватит былинками гнуться. Полынь и та по осени твердеет, а если и ломится, то сила требуется для этого. – Черные глаза налились злобой, Михайло набыл шею и начал пробираться навстречу приказчику.

Остановился Оборот – толпа перед ним сдвинулась пролазной чашей, послышалось угрожающее сопение ближних мужиков...

«Мой час грядет, – решил Капитон, оставил Илейку в толпе и с трудом стал пропихиваться к Прокофию Обороту, нащупывая через однорядку топор. – Только бы добраться до душегуба...»

Приказчик увидел Капитона по выкрикам и ругани вокруг него, насторожился, включенные бакенбарды шевельнулись на желваках. Он осадил жеребца, заставил его пятиться. К тому же чья-то сильная рука стиснула узду у конских губ, развернула и вывела коня из напряженно выжидающей толпы.

– Езжай подобру-поздорову, пока кровь твою не пролили. Мы дело миром порешить задумали, не нам первыми и бой начинать.

Приказчик отъехал шагов на десять к подручным, которые в робости попрдержали коней и не отважились въехать в мятежную толпу. Почувствовав себя в безопасности, он привстал над седлом и сделал последнюю попытку утихомирить сход:

– Опомнитесь, мужики! Повяжите смутьянов да повинитесь хозяину! Демидов зла не затаит, ежели скоро явитесь на работу к Дугненскому заводу! Иначе биты будете солдатами, как и прежде бывали за...

– Да унесут тебя черти от греха подальше или нет? – в отчаянии выкрикнули из толпы. Вслед за словами в приказчика полетел увесистый ком черной подсохшей грязи. Оборот и подручные ускакали в сторону Калуги.

– Давно бы так! – засмеялся Михайло Рыбка, возвращаясь на паперть. – Беги, извещай воеводу да хозяина!

Из церкви вышли с иконами и крестами священник Семен и дьякон Иван, оба дородные, бородатые, только у старого Ивана борода такая реденькая, что сквозь нее без помехи просматривалась морщинистая розовая шея и острый кадык, будто мизинец, согнутый в суставе, застрял под кожей и выпирал наружу.

Поп Семен таращил на толпу мужиков большие выпуклые глаза, вскидывал перед собой позолоченный нагрудный крест с изображением распятого Иисуса Христа.

Иван Чуприн преклонил колени и поцеловал распятие.

– Принесем клятву, мужики, – стоять нам супротив Демидова нерушимо! Отслужим молебен и станем писать челобитную нашей заступнице-государыне! За ней, верую, не пропадем, внемлет матушка нашим скорбным воплям!

Капитон чмокнул холодный крест, пахнущую ладаном пухлую руку попа Семена, отошел от паперти, уступая место другим.

«С Демидовым всем миром биться будем, а душегуба Оборотня за мной числить надобно, – подумал он неспешно и решил: – Челобитную и без моего куриного ума напишут».

Он отыскал неподалеку смущенного, бегающего глазами по толпе внука, окликнул его:

– Идем, Илейка. Нынче в ночь у нас дело будет преважное.

Внук вскинул карие глаза, но от вопроса удержался: по растревоженному лицу деда Капитона понял, что тот не добавит к сказанному ни слова.

* * *

Как бесшумная тень вокруг ствола дерева, кружил Капитон вокруг демидовской усадьбы до поздних сумерек. Однако маленькое окно бокового флигеля в ночь не осветилось изнутри: приказчик, покинув сход и уехав в Калугу, в усадьбу не вернулся. Дней десять его не было, и Капитон начал думать, что Оборот, опасаясь взбунтовавшихся мужиков, в Ромоданово больше не наедет.

Но недели через полторы после схода Прокофий вместе со своими подручными показался на переправе. Приказчик свел с парома на мокрый после паводка берег буланого жеребца,

тяжело влез в седло и по кочкастой дороге мимо зеленеющей уже рощицы начал подниматься к усадьбе.

Капитон осторожно крался следом вдоль плетней.

– Ишь, душегуб, сторбился голодным вороном на зимнем ветру... Ужо тебе! – шептал Капитон, сжимая пальцы до ломоты в суставах.

Пополудни, отказавшись взять с собой Илейку, Капитон сходил в лес, унося тяжелую котомку. Когда он воротился, домочадцы, отужинав, стояли на вечерней молитве. Капитон опустился на колени рядом с внуком – от утомленного деда на Илейку пахло теплым потом и сырыми листьями, – перекрестился, стукнул лбом в неровные доски пола, еле различимо прошептал:

– Укрепи, Господи, веру в справедливость твою и дай силы покарать убийца, – и неожиданно резко поднялся с колен. – Идем со мной, Илья.

Илейка переводил глаза с деда на бабушку Лукерью, задержал взгляд на заплаканной матушке Анисье. И не мог понять, чем они растревожены, почему голова матери поверх повойника покрыта черной шалью. Не зная причины материнской скорби, он вдруг ощутил, как заскребло в горле и от недоброго предчувствия защипало веки...

Капитон взял внука за плечо, вывел во двор под сумрачное серое небо.

– Идем карать Оборотня, душегуба нашего Федюши.

Илейка крутнулся под рукой деда так, будто за шиворот сыпанули горячие угли.

– Как душегуба? Где мой тятка?

Во мраке уснувшего села светились тремя желтыми пятнами демидовская усадьба, и Капитон указал на них.

– Знающий человек под большим секретом поведал мне, что Оборотень загубил его... на Выровском заводе, в потайной пытошной под домницей... – голос Капитона срывался через два-три слова. Увидев, как покривились и задергались губы внука, он сурово выговорил: – То бабье дело – выть над усопшими! Наше дело – кровной мстью поквитаться с Оборотнем. Идем!

Это «идем» было произнесено столь решительно и властно, что Илейка, не успев завывать, умолк, шумно сглотнул слюну и, придушенно всхлипывая, покорно пошел следом.

Хоронясь от постороннего глаза, подобно коту, что подбирается к воробьям у птичьей кормушки, вдоль темных плетней прокрались к усадьбе Демидова. Перелезли через забор и затаились возле сеновала. Ветер тянул со стороны перевоза, и чуткие псы у амбаров их не унюхали. Пахло близкой конюшней и туманной сыростью реки. У крыльца незапряженная телега бугрилась брошенной на задок охапкой сена, будто черный калека-горбун склонился перед чужим порогом, выпрашивая нищенское подаяние. Два раза темная тень закрывала окно флигеля – Оборот подходил к распахнутым створкам, высовывал голову и смотрел на хмурое, почти беззвездное небо. Потом свет погас, белые занавески закрыли темный проем окна.

– Кажись, угомонился. Вот, держи огниво. – Капитон вытащил из кармана кремень, трут. – Прокрадись на сеновал и зажигай. Как поднимется суматоха, Оборотень и выскочит из флигеля... Понял? Захвати и это... на всякий случай. – Капитон протянул внуку обломок оглобли, гладко отполированный мозолистыми мужицкими пальцами. – Как подпалишь – беги ко двору, там меня и дожидайся. Я следом... ежели цел выбегу.

Илейка молча принял огниво и оглоблю, вдоль сеновала прошел за угол, притаился возле двери, наблюдая, как дед Капитон ползком пересек открытое место подворья, нырнул под пустую телегу. Потом темной тенью скользнул к ступенькам, прокрался вверх, к закрытой двери флигеля. Над дверью простирался шатровый навес от дождя. В тени этого навеса и пропал дед Капитон, филином затаился в темноте, выжидая добычу...

Илейка открыл тяжелую дверь сеновала, шагнул внутрь. В нос пахло густым настоем слежалого уже прошлогоднего сена.

У дальнего амбара брехнула чуткая собака – Илейка покрылся мурашками, ноги словно прилипли к земле. Стоял не озираясь и ждал грубого окрика за спиной. Но было по-прежнему тихо, еле слышно звякали натянутые цепи – другие псы не отозвались на короткий лай.

«Должно, пора», – подумал Илейка, оглянулся на серый просвет приоткрытой двери – никого не видно! – опустил на колени, ударил кресалом о камень. Наконец поймал искру, раздул огонек, приблизил дымящийся трут к сухому сену. Язычки пламени весело побежали по былинкам.

«Вот так – барину в отместку за Акулину». – Илейка слюной затушил трут, спрятал огниво за пазуху. Прислушался – почудилось, будто вновь на демидовском подворье брехнула собака. Илейка поднял обломок оглобли и попятился к серо-розовой двери, освещенной разгорающимся огнем пожара.

Едва успел выйти из сеновала и прикрыть за собой дверь, как полусогнутая черная тень выросла перед ним – луна не ко времени проглянула между тучами, но и без того Илейка опознал демидовского конюха Пантелея, прозванного за нелюдимость Лешим.

– А-а, попался! Ты что тут высматриваешь, воришка? – Лохматая голова Лешего приблизилась к Илейке, огромная ручища с растопыренными пальцами зависла над отроком. От грубого окрика он малость не обмочился, под крепкой рукой конюха враз обмякло тело.

– Я... не высматриваю. – Илейка почувствовал на шее жесткие и неровные ногти конюха, в голове пронеслось: «Вот сейчас пламя вырвется, а он меня в огонь головой пхнет». Залепетал: – А там... там, – и рукой указал в сторону сеновала, неведь зачем делая это.

– Что – там? – Пантелей насторожился, грубо отпихнул Илейку и шагнул к двери.

– Мама-а! – необъяснимо почему взвизгнул Илейка не своим голосом, изо всех сил ударил обломком оглобли по лохматому затылку. Не оглянувшись на конюха, который медленно осел на землю, не таясь больше, он метнулся прочь с подворья...

Капитон видел, как внук перемахнул тесовый забор, как через раскрытые окна сеновала пламя, боязливо поначалу, лизнуло раз, другой нависшую стреху крыши, потом смело рванулось вверх, будто ликуя и дразня светом насупленное и невеселое ночное небо. Следом повалил густой дым, завывали перепуганные собаки.

В усадьбе замелькали огоньки свечей, послышалось хлопанье дверей, ночную темноту всполошил гулкий ружейный выстрел через окно.

На порог флигеля выскочил в исподней сорочке Прокофий Оборот – из длинного ствола ружья струйкой выходил терпкий пороховой дым. Приказчик растерянно уставился в пожарище.

– Так-то ты моего Федюшу... каленым железом, – чуть слышно раздалось за спиной Прокофия. Он резко обернулся: это было последнее его видение – в отблесках пожара чужие, безжалостные глаза...

Капитон наткнулся на внука у плетня своего подворья. Не забегая в избу, схватил отрока за руку.

– Бежим! Поутру солдаты всех подряд сечь примутся, допытываться, кто усадьбу поджег да приказчика порешил. Узрят, что нас нет, и никого не тронут.

Над разбуженным селом гудел набат.

– Убили-и-и! – истошным криком исходила насмерть перепуганная демидовская стряпуха Пелагея: к парадному крыльцу усадьбы, ухватив под мышки, она волокла дюжего, обвисшего на руках конюха.

Озираясь на багровые сполохи пожара, Капитон и Илейка, отныне беглые, поспешно уходили в глушь влажного и прохладного апрельского леса.

Глава 5. Проба сил

Илейка насторожился, медленно опустил ногу на сухую прошлогоднюю листву. Прислушался: так и есть, от проселочной дороги доносилось приглушенное лесом фыркание лошадей, стук колес и людские голоса.

– Не ткнуться бы в демидовских стражников, – поостерегся Илейка, огляделся, увидел неподалеку высокий муравейник и поспешил укрыться за ним.

Обоз протарахтел в двадцати саженьях и спустился в ложбину. Густой, но по-весеннему еще полуголый лес вскоре скрыл его из виду вовсе.

Илейка вспугнул около муравейника серую с оранжевым брюшком ящерицу, при обочине дороги обошел молодую поросль ярко-зеленой крапивы и вновь углубился в лес. Ближился полдень, а до села Ромоданова еще идти да идти. Шел бездорожьем, но заблудиться не опасался – места знакомые.

– Кто таков? Куды прешь? – прозвучал нежданный грозный окрик. Илейка замер, готовый задать стрекача. Из кустов вышли двое, с длинными рогатинами и с топорами, заткнутыми за отвисшие опояски. Илейка облегченно выдохнул, заулыбался и шагнул навстречу – свои, ромодановские. Признали и его.

– Откуда ты, беглый отрок? А где дед твой укрывается? – спросил мужик постарше, высокий и рябой, в замызганной однорядке.

Илейка неопределенно махнул в сторону Калуги.

– В Мансуровской роще, что ли? – допытывался рябой, но товарищ перебил его:

– Видел ли кого в лесу?

Илейка сказал про обоз в двенадцать телег.

– Вона как! – Рябой напустился на младшего напарника: – Говорил тебе, тетеря губастая, поспешим, ты: передохнем да передохнем! Михайло теперь с обеих шкуры постаскивает – не уследили за дорогой!

Рябой чуть не волоком потащил Илейку за собой, петляя между деревьями, по заросшим оврагам и глинистым откосам. Через полчаса, не менее, навстречу потянуло дымом, потом открылась поляна с десятком шалашей, укрытых хвойными ветками. В центре поляны горел костер. Отставной солдат Дмитриев, сторбив спину, недвижно сидел на ворохе сухостоя и следил за артельным котлом.

– Михайла! – заголосил рябой мужик. – Слышь, Михайла, где ты?

Из третьего от леса шалаша выдвинулся по пояс Михаила Рыбка, шевельнул густыми бровями.

– Чего шумишь? По всей округе грачей всполошил. Сказывай, что стряслось?

Рябой сообщил про обоз. Михаила вылез из шалаша, подозвал Илейку.

– Оружие какое при обозных приметил?

Илейка сказал, что на каждой телеге по два возчика и по одному ружью.

– Не иначе, в Калугу что-то ценное увозят с Дугненского завода. Опасение имеет Демидов, как бы и тамошние работные не взбунтовались купно с нами. – Рыбка поспешно накинул на плечи длиннополый кафтан, который до этого держал в руке, решительно приказал Илейке: – Пойдешь с нами, укажешь ту дорогу, – и к ватажникам своим, которые собрались на крик рябого: – Быстро снарядиться!

Через малое время из лагеря выступил вооруженный отряд ромодановских мужиков. Шли молча, деловито, как на покос хлебов в первый день долгожданной страды.

Михайла Рыбка, словно вытесанный из огромного серого камня, шел, раскачиваясь всем телом. Рядом с ним, высоко поднимая ноги, маршировал по привычке отставной солдат Дмитриев. По бедности своей Дмитриев зимой и летом носил до невероятия засаленный и про-

жженный солдатский короткополый кафтан, а на голове красовалась сдвинутая набекрень петровских времен треуголка. Только и богатства у отставного солдата, что brave гренадерские седые усы от уха и до уха да глиняная трубка, в которой давным-давно не доводилось гореть табаку. Прежде служил Дмитриев в ночных сторожах при усадьбе Никиты Демидова, однако минувшим летом по старости был лишен жалованья. И теперь днем промышлял под чужими окнами Христовым именем, а ночами зяб в каморке полуглухого звонаря при церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

– Догоним ли? – который уже раз спрашивал Михайла у Дмитриева. Тот прикидывал по солнцу время до вечерних сумерек и, присвистывая от беззубья, отвечал четкими солдатскими фразами:

– Догоним, атаман. Помаршируем, спрямляя дорогу. До ночи обозу в Калугу все едино не успеть. Разобьют бивак близ Мансуровской рощи. Тамо и ударим в штыки на супостатов!

Илейка обернулся – над головами идущих следом мужиков колыхались длинные рога-тины, с десятков кривых самодельных копий с широкими наконечниками. Косы зловеще отсвечивали голубыми искрами. У иных за плечами тяжелые кистени.

«Вот тебе и ударим в штыки», – усмехнулся Илейка, однако дружная и неробкая поступь мужиков вызывала невольное уважение отрока.

Стемнело. Вечерние сумерки вместе с прохладным туманом начали выползать из-под лесного слежалого покрова, сглаживая контуры кустов. Луны почти не видать – в том месте, словно свеча за слюдяным окном, сквозь тучи еле обозначилось желтоватое размытое пятно.

Илейка первым учуял дым костров, остановился и дернул Михайлу за рукав кафтана. Постояли, но сквозь деревья костров было не разглядеть. Дмитриев повел отряд по направлению дыма. Прошли сажень триста, поднялись на пологое возвышение и в полуверсте перед собой приметили тусклые огни – казалось, что там догорал очажок лесного, дождем прибитого пожара.

Подступили ближе. Обозники сидели кучками у походных котлов.

Дмитриев с двумя десятками мужиков отделился и ушел перекрыть дорогу на Калугу, остальным Михайла строго-настрого наказал не чихать и не кашлять. Через некоторое время справа, сквозь настороженную тишину ночного леса, четыре раза ухнул филин. Это уставной солдат давал знать, что дорога перекрыта надежно.

– С богом, братцы, на демидовских прихвостней! – хрипло проговорил Рыбка. Сминая кустарник, с яростным криком «Круши-и!» ромодановцы вывалились на дорогу, из тьмы к свету. Навстречу громыхнуло несколько испуганных и потому плохо прицельных выстрелов. Сквозь вальт и ржание перепуганных стрельбой коней донесся отчаянный вопль:

– Братцы, не губите подневольных!

Навстречу поотставшему Илейке метнулась темная фигура и с возгласом: «Пропади все пропадом!» – будто в приманчивый омут нырнула в темный лес. Шум драки покрыл голос Михайлы:

– Клади ружья, и будете живы!

Через несколько минут ночной бивак был захвачен. Успокаиваясь, кони вскидывали головы, водили ушами. Стонали помятые и повязанные демидовские стражники. Рыбка и Дмитриев деловито осматривали ружья – целы ли, годны ли к бою? Проверяли возы с мукой и крупами, с неношеной одеждой и сапогами. Наткнулись на несколько увесистых мешков.

– Ого! – Михайла не смог одной рукой приподнять край мешка. – Что здесь? – спросил он у ближнего стражника.

– Казна, – угрюмо обронил тот и отвернул побитое в кровь лицо. – Дугненского завода старший приказчик Воробьев вез в Калугу Никите Демидову. Полторы тыщи рублевой монеты.

Рыбка протяжно присвистнул. Дмитриев кинулся разыскивать Воробьева, но среди повязанных того не оказалось.

– Хитер волк, из капкана сумел выскочить, – подсадовал Михайла. – В Калуге с доносом объявится.

Впрягли коней и засобирались в Ромоданово. Михайла спросил Илейку:

– С нами пойдешь или к деду возвратишься теперь?

Илейка пояснил, что дед Капитон посылал его домой за снедью. Рыбка достал из своей сумки кусок вареного мяса и каравай хлеба, протянул отроку:

– Скажи Капитону – хватит ему сидеть в берлоге, медведю уподобившись. Ежели солдаты нагрянут, то не его казнить за Оборотня, а все село приводить в покорность будут.

Обоз, затихая колесным скрипом, ушел.

Холодно и страшно среди ночи в темном лесу. Илейка присел возле костра, подоброе дрова не жалея и стал терпеливо ждать успокоительного рассвета. И вздрагивал всякий раз, когда за спиной, невесть кого пугая, зловеще ухал невидимый во тьме глазастый филин.

* * *

Отъевшаяся ворона лениво упала с самого верха сухостойного дерева, нехотя распластала крылья и перед самыми конскими мордами скользнула вдоль пологого склона. Пристяжные всхрапнули, сбились с размеренного шага.

– Балуй у меня! – крикнул подпоясанный алым кушаком бородатый кучер, огрел поочередно пропыленные и мокрые бока пристяжных, выравнивая ход богато украшенной рессорной коляски.

Демидов завозился на сиденье: ехать в наклоненной карете крайне неудобно, а склону конца не видно. Ткнул клюкой в спину дворецкому.

– Спишь, каналья! Зри в оконце – толпа пылит впереди. Узнай, не разбойная ли ватага прет? Ткнемся на лихих людей себе на горе.

Антип, убаюканный плавным покачиванием на мягких рессорах, высунулся из крытой коляски, передал повеление хозяина верховому слуге-охраннику.

– Слышь, Пантюха, мечись вперед, проведай, што за толпа там показалась?

Пантюха лапнул руками по приседельным карманам – на месте пистолы? Припустил коня в полный мах, подсакивая в седле и поправляя великоватую шапку из выдры.

– Спокойно впереди, – первым известил хозяина кучер. Он обернул к смотровому окошку у себя за спиной бородатое лицо, приоткрыл в беззаботной улыбке щербатый рот. – Не один спешит к вашей светлости Пантюха-воин!

Пантюха вернулся со знакомым Демидову канцеляристом Иваном Пафнутьевым, под которым не спеша вышагивала саврасая немолодая уже кобыла.

– Откуда шествуешь? – резко бросил Демидов, не ответив даже простым кивком головы на поясной поклон Пафнутьева.

– Отряжал меня воевода с воинской командой объехать вашей светлости, Никита Никитович, заводы и имение да составить при этом объезде реестр растащенному имуществу и протчим убыткам...

– Где тот реестр? – нетерпеливо спросил Демидов и руку высунул в боковое оконце, отдернув белого шелка шторочку.

– Ваша светлость! – вздохнул с обидой канцелярист и придержал лошадь, чтобы не уходила вперед от оконца. – Те бунтовщики не только не допустили в ваше поместье к осмотру, но и дале крайней крестьянской избы меня с моей командой не допустили! Человек с полета выступили встречь команде, с дубьем да с рогатинами. Инструкцию от провинциальной конторы те своевольные мужики выслушали, в ответ кричали мне непристойные и угрожительные слова, так и послали с нечестием обратно. Спешу теперь уведомить господина воеводу Федора Шагарова.

– Подашь о том доношение в канцелярию. А с воеводой я сам буду держать беседу. Гони коней, Прощка! Не ночевать же мне под голым небом! А ты, Ивашка, скажи своим драгунам, пущай следом скачут ради моего бережения. Не учинили бы воры ромодановские какой засады близ самого городу.

Однако до Калуги доехали без происшествий. Распугивая поросят из придорожных луж, коляска подкатила к провинциальной канцелярии. Однорукий привратник замешкался было открыть ворота, под ругань взъяренного Никиты Никитовича смахнул с головы треух и долго стоял согнутый, не решаясь затворить выезд – вдруг, не задержавшись, лютый заводчик надумает куда укатить без промедления.

– Антип! Опять спишь, треклятый! – Демидов завозился в коляске, с помощью Антипа влез в носилки. Охранники, прихватив два тяжелых костыля, бережно внесли хозяина в просторную горницу. Канцеляристы похватили со столов бумажный хлам, спешно удалились в соседнюю комнатушку. Остались лишь Пафнутьев да дворецкий Антип.

Полулежа в кресле у окна, Демидов долго сопел крючковатым носом, напоминая старую крысу, которая очутилась в незнакомом месте и настороженно принюхивается к чужим пугающим запахам.

– Где вор-челобитчик Алфимов? – Демидов плохо владел ногами, в кресле крутнулся в сторону Пафнутьева. Тот с поклоном ответил:

– В арестантской под замком, ваша светлость Никита Никитович. Тамо же и Лукьян Щепкин со товарищи, схваченные в окрестных местах близ Калуги.

– Кем схвачены? Воеводой?

Снова поклон.

– Не воеводой, а старанием приказчика Красноглазова с верными стражниками от заводов вашей светлости. Боле двух десятков смутьянов изловлены и под караул крепкий посажены.

– А воевода мешкает! – Демидов костылем громыхнул о затоптанные половицы. – Питаны ли воры?

– Питаны порознь те злодеи, ваша светлость. И под теми пытками показали о своем злоехидном намерении супротивничать до последней крайности. Ныне вот ромодановские заводы передали поутру, пред моим отбытием с командой из Калуги, объявление от всех ромодановской волости крестьян к государыне императрице о причинах своего нежелания быть в вашем владении.

– Дай сюда тот пашквиль! – Демидов нетерпеливо протянул левую руку, локтем столкнул на пол тяжелый костыль. Пафнутьев, зная, что спорить с Демидовым крайне опасно – ладно ежели костылем вытянет, а то и в подземелье темное повелит холопам своим опустить, – поспешил вынуть из стола челобитную, писанную на плотной добротной бумаге.

– Где воры писчую бумагу берут? – Демидов отстранил челобитную от лица едва ли не на всю руку, забежал глазами по ровным, красиво писанным строчкам. Невнятное брюзжание длилось недолго – где-то на середине челобитной он замолчал, побелели ногти на пальцах правой руки, стиснувшей подлокотник.

«...Напрядь сего была Ромодановская волость за прежними владельцами, – медленно про себя читал Никита Никитович, – состояла во благополучии, у самого последнего крестьянина лошадей бывало по 10-ти и больше, також и мелкого скота и протчего пожитку довольное число, а ныне оным Демидовым не остался у ромодановских крестьян от разорения ево и тяжкой работы в настоящего той волости крестьянина одной лошади. Да видит той волости во благополучии крестьян, тот Демидов зверским своим намерением вывести из той волости крестьян, незнаемо куда, про которых мы не известны, коих с женами и з детьми, а протчих отлучил от жен, 900 душ, а остальных разнес по ближним своим железным заводам с женами и з детьми, иных от жен отлучил, которые там на нево работают, аки на каторге, скованные

в цепях и при великих тяжких кандолах, которые в тех кандолах закованные многое число и помирают...»

Демидов с зубовным скрежетом чертыхнулся, тряхнул челобитную, словно живого человека за ворот, пожевал черные губы. И не сдержал-таки кипевшего в душе гнева, выкрикнул:

– Ах сучьи дети! Ах злоумышленные тати! Государыне жаловаться! Вот доберусь я до ваших своевольных атаманов, загривки облысеют!

Дворецкий Антип и Иван Пафнутьев молчали, опасаясь вставить неосторожное и неуместное слово.

«...Оставшей той Ромодановской волости крестьяне принуждены платить за вывезенных сородичей подушные деньги и всякия государевы поборы, коих числом плотица на год по полторы тысячи рублей и от того той Ромодановской волости крестьяне пришли в самое крайнее разорение; також землю и луга все удобные места немалое число десятин отнял по себя, а сеял оную землю нашим крестьянским хлебом несколько сот четвертей³ безденежно насильством...»

– Ехиднины выродки! – снова не сдержался Демидов, опустил челобитную на колено, уставился взором в дальний угол, где стояло пустое плетеное кресло.

– Дозвольте мне читать, батюшка Никита Никитович. – Антип бережно покашлял в кулак. – Поберегите драгоценные глазки от пакостного мужицкого писания...

– Цыть, ты! – сорвался на крик Никита Никитович. – Еще и тебе знать бы, как безумные холопы хозяина лают! – поднял челобитную, взгляделся в строчки, уже читанные, нашел продолжение.

«Ежели б та Ромодановская волость не поблизости состояла города Калуги, которые той волости крестьяне за высочайшей имя Христова от народного подаяния пропитание имеют от того города. Ежели кто на ево работу малейшим чем умедлеет, то тот Демидов прикащикам своим повелевает немилостиво бить тех крестьян, растянув на сани, кнутьем; от тех ево побоев многое число помирают до смерти...»

Глаза Никиты Никитовича запрыгали по строчкам, и он с трудом заставил себя сосредоточиться на чтении: то великое его счастье, что неразумный воевода не успел отправить курьера в Петербург и челобитная не попала в руки матушки-государыни или в Сенат. Быть бы великому розыску над ним. И немалый убыток претерпел бы в деньгах, умасливая сенатских допросчиков!

«...Тажо на рудной ево работе работали несколько сот человек, от той работы у означенной ево кобке не малое число человек от той работы от тягости померло. А ныне оставшие той волости принуждены по бедности своей житие объявить Вашему Императорскому Величеству. Таж о разорении ево и мучении пошли от той волости просители к всемилостивейшей государыне с четырьмя челобитными, на которые ожидаем соизволения от всемилостивейшей государыни милостивого указа, с женами и з детьми означенному Демидову в послушании быть не хотим...»

Далее писалось о потайной пытошной на Дугненском заводе. Демидов нервно закомкал не дочитанное до конца объявление ромодановских крестьян, стукнул кулаком о подлокотник: огласили, разбойники! На весь белый свет огласили запретное!

– Ты, Ивашка, – и скрюченным пальцем ткнул в канцеляриста, – объяви мне: сказывали пойманный вор Алфимов о протчих челобитчиках? Кто они и где теперь шастают?

– О том ему будто бы не ведомо, ваша светлость, – ответил Пафнутьев. – Семен Алфимов схвачен в Питербурхе на дворе сиятельного господина генерал-прокурора и кавалера князя Никиты Юрьевича Трубецкого, намеревался ему то злопакостное челобитье подать в руки для

---

³ Четверть – старая русская мера сыпучих тел, равная 209,9 л.

оглашения пред государыней. Питан в канцелярии Сената и с пытками показал, што протчих челобитчиков в столице не успел повидать. На том и здесь, в Калуге, упрямо запирается.

«Три змея лютых ползает округ государева дворца. – Никита Никитович выдохнул с присвистом, рука со скомканным челобитием потянулась к груди – ныло сердце. – И кто-то ведь надоумил вора Алфимова сунуться в двор светлейшего князя, к генерал-прокурору... Моими серебряными рублями доносчики дорогу себе мостят по столице, дорываясь к государыне! А здесь злохитростный воевода им во всем потворствует!»

Едва с лютой злобой помянул Федора Шагарова, как за окном мелькнула его неказистая коляска с кучером в армяке на козлах, а спустя малое время услужливый Пафнутьев распахнул перед Шагаровым дверь и, пятась с поклонами, проводил к просторному столу на хитро точенных круглых ножках.

«Экий жук-плаунец! – с неприязнью покосился Демидов на вертлявого, низкого ростом и с круглым брюшком воеводу. – Вона как кошачьими-то глазами меня сквозь пробуравливает! Мнит себя всеильным и куш изрядный урвать норовит по моим тяжким обстоятельствам. Не в ту ендову руку запикиваешь, издолубивый воевода. Не обломать бы пальцев ненароком!»

Воевода, не оглядываясь, ловко скакнул в кресло, подставленное проворным канцеляристом, легким взмахом руки скинул со стола не замеченные вовремя Пафнутьевым хлебные крошки, заговорил первым, напустив обиду на лицо, румяное да щекастое, украшенное закрученными в полукольца широкими усами:

– Кхе, кхе, почтенный Никита Никитович, вот зрю вас во здравии с великой радостью для сердца моего. Прознал от служилых людишек моих, что возвратились вы в свое ромодановское имение. Ан на лихую беду там весьма неспокойно, ох как неспокойно! Но рад, так рад лицезреть вас. И о многотрудной дороге позвольте справиться...

Демидов фыркнул, небрежно отвесил нижнюю губу. Резко сказал:

– Не за медовыми речами приехал я сюда, воевода, и не дорожные заботы гнетут меня, а твое мешкание в деле усмирения мужицкого бунта!

– Вот-вот, почтенный Никита Никитович, опять вы с укорами... То в Сенат на меня пишете жалобы, то в очи обиду бросаете. Видит бог, я радею о вашем деле, аки о своем кровном.

– Так отчего же команду добрую не шлешь супротив государевых послушников? – Лицо Демидова налилось кровью, глаза полезли из глубоких орбит. Еще миг, казалось, и он запустит в воеводу костью.

Шагаров егзнул в просторном кресле, постучал пальцами о столешницу, любясь розовыми, аккуратно подстриженными ногтями. Дорогих перстней, как у Демидова, он себе еще не нажил на воеводстве.

– Так ведь, почтенный Никита Никитович, мужики не супротив матушки-государыни взбунтовались, а супротив вас. О том и в челобитных своих пишут, – и шустрыми глазами стрельнул в смятую челобитную, которую Демидов так и не решил выпустить из пальцев.

– Ты кому служишь, воевода? – Демидов не сдержал-таки гнева, закричал, силясь поднять немошное тело и грозно топнуть ногой. – От кого жалованное довольствие получаешь? От матушки-государыни или от воров мятежных берешь подношения моими целковыми?

– Обижаете, весьма обижаете такими непотребными наветами, почтенный Никита Никитович! – вспыхнул Федор Шагаров и выпятил нижнюю челюсть, давая знать Демидову, что крика его он не страшится. – Не восприемлю на свой счет ваши эти оскорбительные слова! А команду не шлю, потому как нет указа Правительствующего сената слать.

– Потакаешь бунтовщикам! – Демидов остановить себя на полуслове уже не мог. – Калужские купчишки охамели вовсе, беспрепятственно с твоей стороны везут печеный хлеб и кормят мужицкое воинство, а взамен опять же мои серебряные рубли, с заводов побранные, себе в мошну кладут! Порядок ли это, когда воровские шайки по городу, словно в темном лесу,

безбоязненно шастают, грозят арестантов из-под караула добыть? И добудут, коль воевода и дальше дремать будет преспокойно в своем доме. Мужичьих атаманов с разговорами до себя допускаешь, а надобно хватать и пытаться нещадно!

– Ромодановцы давненько, став под вашу руку, Христа ради просят под калужскими окнами, – съязвил не без удовольствия для себя воевода. И подумал, поджав губы: «Не много чести высказываешь потомственному дворянину ты, сын вчерашнего тульского кузнеца. Ишь как боярится, на злате-серебре сидя! Воеводу „тыкаешь“, словно дворового холопа. Запахло смаленым волком – прискакал, паралистик, и дороги дальней устрасился. Вопиешь: спасай пожитки мои, воевода! А того в ум не возьмешь, скряга никчемная, что и у воеводы немалый расход в доме».

Выпад воеводы огорошил Демидова, он завозился в кресле, забуравил выпуклыми черными глазами:

– У меня дом горит, а ты, воевода, руки растопыренные у того огня греешь! Да о трех ли ты головах, Федор? Нынче же отпишу в Сенат о твоих смутных речах про мятеж и твое нежелание усмирять бунт, отчего огонь и так уже по окрестным волостям перекинулся. Антип, волоки из коляски мою гербовую бумагу и перья. Пушай знает матушка-государыня, каков у нее здесь «недреманный» страж порядка сидит!

Воевода понял, что изрядно переборщил в споре со всесильным Демидовым, мягко и уступчиво – дескать, оба мы знаем предостаточно друг про друга – улыбнулся незваному гостю:

– Обещаю, почтенный Никита Никитович, и часу не мешкая, повелю полковнику Олицу выступить с Рижским драгунским полком, едва лишь указ от Сената будет, чтобы усмирить своевольное мужичье изрядной воинской командой. Что толку браниться нам, коль забота у нас с вами одна.

Ласковый голос воеводы, неторопливые жесты его холеных рук подействовали на Демидова успокаивающе. «И то верно, чего зазря пыль поднимать, себе же очеса можно лишний раз припорошить так-то. Должно, проведаль про мои дела здешние изрядно, щекастый паук, потому и дразнить его нет резона». Для видимости, что гнев его не так отходчив, проворчал под нос:

– Кульер с указом уже в дороге, воевода. О том осведомился я через верных людей в Сенате, – и попросил воеводу: – Прикажи притолкать взашей из арестантской избы того челобитчика-вора Алфимова. Сам хочу спросить о пакостных его сотоварищах, кои и по сей день все еще бродят в столице. Узнать бы имена да розыск достойный над ними учинить.

Шагаров махнул рукой Пафнутьеву – приведи, дескать, того челобитчика, пусть хозяин поспрашивает своего холопа.

* * *

Редкий день не приносил в Ромоданово из Калуги каких-либо неприятных сведений. Неугомонный Иван Чуприн поутру переправлялся с партиями вооруженных мужиков в город, доискивался встречи с воеводой Федором Шагаровым, задаривал вельможу демидовскими целковыми в надежде узнать, нет ли от матушки-государыни именного указа быть им вольными от заводчика.

Воевода, всякий раз распалившись до пунцовости, сотрясая щеками, кричал и страшал «разинское отродие» драгунами, грозил побить мужичье «огненным боем», но, приняв подношение, неспешно утихал, доблел лицом и взглядом, обещал – теперь уже доподлинно в последний раз – не посылать воинскую команду на мятежную волость еще день-два, ожидая милостивого указа от матушки Елизаветы Петровны.

14 мая, возвратясь из Калуги в демидовскую усадьбу, где постоянно пребывали мужицкие атаманы, Чуприн в сердцах швырнул суконную мурмолку в угол, на лавку, выкрашенную в нежно-голубой цвет. Андрей Бурлаков побелел лицом, вскинул перепуганные глаза.

– Ты что это, Иван, так распалился? Худое прознал что?

– Все! Отрыгнул старый коршун жирную подачку, не клюет боле ненасытная, казалось, утроба! О своей голове озаботился.

Кузьма Петров не понял Чуприна.

– Сказывай толком, что стряслось?

– Похватали в Петербурге наших посланцев с челобитной, Семена Алфимова со товарищи. Прознал я нынче – содержатся в Калуге, в провинциальной канцелярии. Вót так! Ко дворцу царскому и близко не подпустили! Демидов самолично в Калуге объявился.

Волостной староста сгреб бороду в кулак и в растерянности уставил на вестника глаза – что еще безрадостное скажет? Кузьма Петров молча, насупив брови, прошел через зал, остановился против портрета императрицы – холеное полное лицо обрамлено воздушными кружевами, взгляд ласковый, на подкрашенных губах легкая усмешка. Правая бровь царицы чуть приподнята, словно государыня в удивлении вопрошала подошедшего мужика: «Чего тебе, родимый?»

Кузьма наткнулся на этот взгляд, в смущении одернул протянутую было к портрету руку, чтобы не дать воли подступившему к сердцу гневу. Но от укора не сдержал себя:

– Так-то ты, государыня-матушка, с нашими посланцами обошлась?

– А что воевода сказывал? – Андрей Бурлаков вытер ладонью лысину, распахнул кафтан.

– Не принял нынче нас воевода, – буркнул сквозь зубы Чуприн. Прошел к столу и тяжело сел на скамью, подобрал мурмолку, закомкал ее в руках. – Сыскали мы его в саду, а он со столичным кульером. Висит тот кульер у воеводы на ухе да бумагу в нос тычет. Издали махнул нам рукой воевода – уходите, дескать, от греха.

Василий Горох с немалым усилием разогнул сутулую спину, повернулся лицом к портрету императрицы. Еще недавно пообок с изображением Елизаветы Петровны висел маслом писанный портрет старого Никиты Демидовича, основателя династии заводчиков. Покойный Оборот упрятал портрет в чуланы, с глаз мужицких, остались лишь толстый гвоздь в стене и неприбранная паутина на том месте.

– Стало быть, мужики, худой указ привез тот кульер, – сказал Горох. – Ждите днями воинскую команду. Надобно поторопить Дмитриева с обучением мужиков воинским наукам. Быть скорой драке!

И будто в воду смотрел старый вещун! Поутру следующего дня Ромоданово было поднято ранним набатным звоном. Похватали мужицкие атаманы ружья и вон из демидовской усадьбы. Со всех дворов, вооружась, выбегали на улицу и спешили к церкви ромодановские мужики. Набат подхватили в соседних селах мятежной волости.

Чуприн, сидя верхом на буланом жеребце Оборота, распоряжался, куда какой сотне выступать.

– Дмитриев! – Иван Чуприн отыскал отставного солдата. – Мы к перевозу спустимся, а ты всех прибывающих сватаживай здесь, в имении. Дадим знать – скопом валите на подмогу!

– Слушаюсь, атаман! – Отставной солдат, невольно становясь во фронт, вскинул руку к треуголке. – И за тылом пригляжу – не наскочили бы со спины супостаты непрошенные!

Дозорные на звоннице церкви вовремя заметили движение солдат в городе, и теперь ромодановцы, изготовившись всем воинством, наблюдали, как по противоположному берегу к реке спускались пешие драгунские роты. Чуть ниже переправы в воду вошли конные драгуны и пустились вплавь через Оку.

Чуприна охватил азарт предстоящей драки. Настегивая жеребца, не опасаясь первым получить драгунскую пулю, носился он вдоль берега, выстраивал одних мужиков у переправы, других ниже, против конных, и часть в резерве, в соседнем лесу.

– Не выпускай их из воды! – багровея лицом от натуги, кричал Чуприн. – Кузьма, води выровские сотни супротив конных! Бейте рогатинами в конские морды! Да первыми огненного боя не учинять! – предупреждал Чуприн. Знал, что против прицельного огня мужикам долго не устоять, повалятся десятками, а прочие дрогнут...

Кузьма Петров от рощицы поспешил загородить конным драгунам ход на берег. Не менее трехсот работных Выровского завода, приминая молодую зелень склона, повалили следом за Кузьмой, вошли по колени в воду и ошетинились длинными рогатинами, копьями, отточенными до синевы косами, зловещий блеск которых резал глаза подплывающим драгунам.

У переправы Чуприн сам с несколькими сотнями ромодановцев изготовился встретить пеших драгун. Солдаты тесно сгрудились на пароме, с беспокойством поглядывали на вооруженную толпу мужиков у берега: этих-то одним залпом не уполовинить даже, а на взгорке близ церкви еще тьма-тьмушная собирается. А вон, за дальней околицей, по открытому месту от села Игумнова бегут еще не малой толпой... И калужский берег густо усыпан народом: горожане прознали о выходе солдат и теперь напряженно ждали, чем кончится бой. В этом молчаливом ожидании чувствовалась скрытая до поры до времени ненависть против солдат, которых послали усмирять взбунтовавшихся работных, – дикий нрав Никиты Демидова в Калуге был всем ведом.

– Назад! Плывите назад, солдаты! – Чуприн встал у туго натянутого каната и, сложив ладони у рта, кричал в сторону парома. Его зычный голос далеко разносился над взволнованной рекой. – Не вводите в грех! Не понуждайте учинить над вами смертный бой!

Паром неуклюже полз по реке к ромодановскому берегу. Солдаты глухо перешептывались – ступить на твердую землю и встать во фронт им не дадут, примут на рогатины, косами взрежут пропотевшие мундиры...

– Топор сюда! – Чуприн вдруг резко повернулся к стоящим за спиной мужикам. – Топор живо мне!

Капитан тут же выдернул из-за опояски тяжелый топор.

– Руби канат! Пусть их несет к чертовой бабушке!

До берега было уже несколько сажень, когда эхо удара топором гулко отдалось от крутого берега. Еще удар, и несколько уцелевших прядей пеньки с треском лопнули; натянутый канат, словно кнут пастуха по росной траве, звонко хлестнул по воде, и паром медленно пошел вниз по течению, к великой радости драгун унося их от неминуемой кровопролитной драки с мужиками.

А возле ромодановского берега драгуны уже сошлись с работными. Понукаемые всадниками, мокрые и оттого блестяще-глянцевые кони лезли на скользкий подъем. Прибрежная полоса воды окрасилась желтой глиной и кровью: рогатины, пики и косы безжалостно кололи и резали кожу, вскрывали вены, рвали горло. Смертельно раненные кони вставали на дыбы, сбрасывали мокрых всадников, подковами молотили воздух и воду перед собой.

Драгуны садились в мокрые седла и пытались прорубить себе дорогу через густой заслон мужицкого рукопашного оружия. Однако палаш не топор, да и рогатины не беззащитная лоза. Бьются вымокшие, перемазанные глиной драгуны во взбаламученной реке, а на берег хода им нет.

Брошенный кем-то обломок кирпича сбил кивер с головы драгунского капитана. Вокруг офицера злые, обреченно-невменяемые лица подчиненных. И он понял: не останови он их теперь же, перед явно бессмысленной гибелью, и чей-нибудь палаш в такой кутерьме снесет и его голову.

– Проклятье! – кричит капитан. – Поворачивай назад! Поворачива-ай!

Под градом камней, провожаемые угрозами и обидным свистом, полторы сотни всадников развернулись и поплыли через Оку на калужский берег, где на мели сидел паром и солдаты, по пояс в воде, покидали бесполезное судно.

Кузьма Петров, мокрый и заляпанный желтой жижей, прокричал сыну Егору:

– Лихо нахлестали по мордам супостатам! Впредь на рожон не сунутся! И еще зададим перцу – самому черту тошно станет!

Ромодановцы вылезли на берег из воды, наскоро отжимали порты и подола длинных рубах. На яркой зелени уложили пораненных и искалеченных копытами товарищей. Три сторбленных деда, прикрывая битые места толченым кровавником, спешно делали им повязки.

Чуприн оставил в рощице близ перевоза полусотню работных с Кузьмой Петровым – дежурили здесь атаманы поочередно – и отошел с прочими атаманами в Ромоданово отдохнуть и отобедать.

– Ну, братцы-мужики, дело заваривается густое, не шуточное, – посетовал Андрей Бурлаков, едва выборные собрались в светлом зале демидовской усадьбы. – Стряпуха Пелагея, тяжело постукивая сапогами-обносками, засуетилась накрывать на стол. – Воевода и полковник Олиц сие мордобитие без последствий не оставят.

Михайла Рыбка, обжигаясь горячими щами, покосился на Бурлакова: что-то не видно было волостного старосты во время драки у перевоза, атаман из Бурлакова никудышный вышел – ни рыба ни мясо, но смолчал. Не время между собой свару разводить.

– Некоторое время придется скопом стоять в Ромоданове, бережения ради, – принял решение Чуприн и вдруг добавил: – Нашел я несколько сотоварищей в Калуге. Обещали постоянный присмотр за солдатами держать. Еще сказывали, что есть немалое число из горожан, готовых нам посодествовать и к нашему стану прибиться.

Василий Горох отодвинул пустую миску на край стола, одобрил:

– Дружьям всегда рады, – и тяжело поднялся навстречу вошедшему в зал попу. – Пришел, отец Семен? Проходи на мое место к окну. Порешили мы, святой отец, еще раз через воеводу подать челобитие матушке-государыне... Не крови и смерти ищем, но слезно просим вызволения из-под демидовского ярма несносного.

– Ведаю о том, дети мои, – пробасил отец Семен, перекрестился на иконы, отбил поклон портрету императрицы и прошел к столу.

Василий Горох следил за рукой отца Семена, и когда тот останавливался, вновь начинал перечислять мужицкие невзгоды. Нетерпеливый Чуприн то и дело вскакивал со скамьи, подбегал к столу и тыкал пальцем в край бумаги.

– Напиши непременно, отец Семен, что ея императорскому величию мы не противники, но за Демидовым не хотим быть. Мы смерть себе от него видим и в руки к нему вновь не пойдем!

– Это уж так, – бросил Василий Горох и поскреб жесткий кадык сквозь седую бороду. – Пропиши, святой отец, что оный же немилосердный мучитель Демидов малое какое в деле неисправление превращает в пытку, бьет кнутом и по тем ранам солит солью, како татарин некрещеный над православными измывается!

– А как про Федора и демидовскую потайную пытошную не прописать? – вскинулся Михайла Рыбка и тяжело, всем телом, повернулся к портрету императрицы. – Пусть знает наша заступница, что оный Демидов дозволяет своим катам жечь людей каленым железом. – Темные глаза Михайлы налились кровью, по скулам заходили тугие желваки. – Пиши, святой отец, что Демидов без всякого указа сажает невинных между домниц, в сделанную там темницу, которая выкопана в земле, выложена камнем и бревнами. А еще налагает Демидов на руки, на ноги и шею боле восьми пудов цепь и так в той преисподней морит безвинно!

– Воистину все это так! – выкрикнул от себя Чуприн. – По взятии мною Выровского завода из той темницы шестерых работных едва ли не при смерти к солнцу достали.

Выборные, а вслед за ними и поп Семен, троекратно перекрестились. Через открытое окно зала с противоположного конца села донеслись возбужденные неясные голоса многочисленной массы людей.

– Что за содом и гоморра? – насторожился Чуприн и повернулся лицом к окну.

– Поглядеть надо – не солдаты ли ворвались с тыла! – вскочил с лавки Андрей Бурлаков.

– Заставы упредили бы. – Василий Горох сгреб со стола треух и тяжело поднялся: при его хвори и немалых уже летах такое беспокойное житье не в сладость.

Чуприн прихватил ружье и следом за Кузьмой Петровым выбежал на улицу.

В село, в окружении ромодановских ребятишек, вваливалась густая толпа вооруженных работных. Впереди распоясанный, в новых, грязью забрызганных козых сапогах, вышагивал мужицкий атаман Гурий Чубук. И кафтан на нем явно с чужого плеча, узковат.

Чубук отбил поклон выборным, гордо произнес:

– Вот, атаманы-мужики, наказ ваш я исполнил! Последний здешний Демидова завод, Брынский, остановлен! Возьмите и нас в свое воинство!

Встречать вновь прибывших высыпало все Ромоданово. Ребятишки повисли на руках родителей, вернувшихся с дальнего завода.

Василий Горох, преодолевая боль в пояснице, всенародно отбил земной поклон работным.

– К часу трудному подоспели вы, братья. Нынче уже пробовали воевода и полковник Олиц нашу силу и крепость нашего духа. И надо теперь ждать нам со дня на день крепкого боя. Вон там наш недруг силы копит! – И Горох стволом ружья указал за Оку, где над Калугой мирно стлался густой звон: там звонили к вечерне.

* * *

Однако в Калуге, похоже было, и не думали повторять попытки усмирить мятежную волость воинской командой. Через три дня на восстановленной переправе появился канцелярист Пафнутьев. Приблизившись к берегу, он нацепил на нос стекла, важно выпятил грудь и, не сходя с парома, зачитал подступившим ромодановским выборным указ Сената о выдаче зачинщиков и о беспрекословном повиновении Никите Демидову и его наследникам.

– А куда подевал нашу челобитную, которую два дня назад мы вручили тебе? – спросил Василий Горох. Пафнутьев ответил, что с воеводским курьером она отправлена в Петербург Сенату.

– Нам тобою читаное не указ, – отрезал Василий Горох. – В том Сенате сидят такие же лихоимцы и притеснители, как наш Никита Демидов, как хозяин соседних мануфактур Афанасий Гончаров, у которого тако ж взбунтовались приписные работные и оказали неповиновение. Ведомо миру издревле, что ворон ворону глаза не выклюет... Езжай, писчая душа, от греха подальше! Скажи воеводе – ждем именного, матушки-государыни собственной руки указа, а не сенатского! На том и стоять будем до скончания живота!

Ночь на 24 мая. Над беспокойно засыпающим селом зажглись яркие улыбчивые звезды. Полная луна, словно раздобревшая молодка, кокетливо выглядывала из-за редких облаков на темную землю, на мужицкие дозоры вокруг Ромоданова, высвечивая им в помощь сумрачные овраги и лесные чащобы.

В окно осторожно постучали. Лукерья испуганно вскрикнула, рукой приостановила жужжащую прялку. Капитон отставил в сторону недоплетенный лапоть – горит на внуче обувка, словно не по земле, а по пожарищу тот бегают, смахнул с колен светло-коричневую чешую лыка.

– Кого это бог послал так поздно? – Капитон покосился на Анисью. Сноха в углу под лампадкой молча вышивала новую рубаху Илейке. Подумал: «Может, Акулинушку где отыскали? Сколь дней минуло, как Ока вскрылась, а покойница все не предана земле...»

Вышел, настороженно открыл дверь и охнул сдавленно. Чего угодно ждал, только не этого! В дверном проеме, освещенная со спины желтым размытым светом, выросла зловещая фигура в солдатском кафтане, в широкой треуголке и при палаше. Капитон отшатнулся, лихорадочно вспоминая, где же в сенцах приткнул днем впопыхах топор?

– Не опасайся меня, добрый человек, – тихо проговорил солдат. – С миром пришел я... один.

Капитон с трудом совладел с собой, нерешительно пригласил нежданного гостя в избу.

– Того мне никак делать не можно, – вполголоса ответил солдат. – В великой тайне добился я сюда от лагеря в село... На берегу меня добрый калужанин в лодке дожидается. Пошли кого ни то позвать ваших атаманов. Важную для них весть имею.

Капитон приоткрыл дверь из сенцев в горницу, позвал негромко:

– Илья, выдь на порог.

Послышалось шлепанье босых ног о пол – внук спрыгнул с полатей. И вот он рядом. Увидел солдата, застыл на месте.

– Иди сюда, не страшись. – Капитон притянул внука за плечо. – Беги в усадьбу, покличь выборных. Скажи тихо, что вестник с того берега дожидается.

Внук мигом исчез за темным плетнем.

Капитон и солдат присели на завалинке под окном, молча поглядывали друг на друга. Напротив них в темном огороде обшарпанное пугало, будто пьяный мужик у трактира, нелепо размахивало рукавами – от реки тянул порывистый свежий ветер. В соседнем подворье с риги за зиму Кузьма Петров снял всю солому, и теперь остов крыши напоминал скелет дохлой лошади: толстый позвоночник и белые, обветренные, дождями вымытые ребра-стропила.

Тяжелые шаги послышались издали. Капитон вышел встретить у калитки.

– Где вестник? – спросил Иван Чуприн, заметно запыхавшись от быстрой ходьбы через все село.

– Во дворе, проходите, атаманы.

Солдат вышел под лунный свет из-за темного угла, приветствовал атаманов снятием треуголки и глубоким поклоном. Ему ответили тем же, расселись опять в тени дома.

– Говори, брат, с чем пришел? – начал первым Иван Чуприн и доверительно положил руку на локоть драгуна.

– Получен указ Сената в Военную коллегию о высылке воинской команды супротив вас, – заговорил драгун, сильно окая. – При том указе есть особливая инструкция штаб-офицеру: поначалу увещевать мужиков, а выйдут на бой, так попервой для острастки стрельнуть пыжами. А буде и после этого не разбегутся, то б стрелять боевыми зарядами. Вот таковы новости, братья, – закончил драгун и посмотрел на атаманов – испугались или нет?

– Когда выступит та команда? – уточнил чуть дрогнувшим голосом Василий Горох.

– Вахмистр вечером сказывал, что встанем под утро, без барабанного боя. Куда помаршируем, о том и ему неведомо пока.

– Не прибыло ли в Калугу еще воинских сил? – поинтересовался Чуприн.

– Покамест только наш Рижский полк. – Драгун хлопнул ладонями по коленям, норовя встать: ему надо спешно возвращаться в лагерь, не хватился бы вахмистр, тогда засекут до смерти.

Василий Горох тяжело выдохнул.

– Вот какова нам, мужики, милость от Сената... Не дошло до уха матушки-государыни наше слезное прошение, сенатские лиходеи попридержали от нее в тайне. Стало быть, шум крепкого боя непременно дойдет!

– У нас останешься? – с некоторой долей надежды спросил Иван Чуприн. – Оставайся, брат. Нам ты будешь очень полезен.

– Присяга на мне, – отказался драгун и, как бы извиняясь, добавил: – Крест святой целовал, как же порушу присягу?

– Вольному воля, брат. За весть от всего мира земной поклон тебе. Даст бог, уцелеешь от мужицкой рогатины. Вперед других не суйся в драке, – посоветовал Чуприн. Драгун ответил с горькой усмешкой, развел руками:

– И тут я не волен – в солдатском строю за мной место накрепко помечено, потому как каждый из нас подобен бревнышку в частоколе – подогнаны друг к другу и по толщине, и по росту...

Выборные простились с драгуном и покинули двор Капитона, ушли готовить воинство к утреннему сражению.

Драгун проводил их долгим взглядом, попросил испить квасу.

– Бежал от реки в гору, запалился.

Капитон послал Илейку. Когда тот принес, драгун принял из рук отрока мокрый ковш и, прежде чем пригубить, сдвинул со лба треуголку. Капитон заметил у него над левой бровью овальное родимое пятно величиной с воробьиное яичко.

– Как хоть зовут тебя, солдат? – спросил Капитон, провожая гостя до калитки.

– Нельзя мне раскрываться, не неволь, отец, – повинился драгун и быстро побежал через кусты по уклону к речной пойме.

Капитон стоял и долго смотрел, как по темной глади реки неслышно скользила наискось верткая лодка, а над селом в наступившем безветрии повисла напоенная запахами цветущей черемухи майская ночная тишина.

Глава 6. Открытый бой

На звоннице запоздало ударили в набат: дозорные приметили конных драгун слишком поздно. Солдат ждали из города, а они вынеслись из забитого густым туманом леса правее перевоза, в считанные минуты достигли переправы, разогнали сторожевой десяток ромодановцев и загородили берег против рощи, в которой стояла караульная полусотня.

Вслед за конными из леса бегом высыпали пешие роты Рижского драгунского полка. Рассчитывая на возможную рукопашную схватку, солдаты имели ружья с вставленными в стволы штыками.

– Обхитрил нас Олиц! – в досаде выкрикнул Чуприн, когда увидел солдат уже на ромодановском берегу. Он всю ночь простоял с дежурным отрядом на околице села, готовый первым кинуться к переправе, чтобы помешать высадке. В бессильной ярости Иван готов был теперь сам себя посадить на рогатину: дозорные, которые ходили в лесу вдоль Оки, недоглядели и дали возможность драгунам беспрепятственно перейти на этот берег.

С трудом подбежал Василий Горох – лицо перекошило от боли в пояснице. Увидел готовых к сражению солдат, обескураженного Чуприна и присоветовал:

– Дай знак Кузьме Петрову покинуть рощу. Там ему теперь делать боле нечего. Еще похватают мужиков. – Горох внимательно посмотрел на противоположный берег Оки – калужане толпами спешили узнать, что же теперь произойдет под Ромодановом. И с тепло-той вспомнил горожан: несколько десятков человек минувшими днями тайно перебрались в мятежное село, чтобы посодействовать приписным крестьянам добыть волю из-под Демидова.

Около паромы полковник Олиц оставил восемьдесят солдат, остальные двумя шеренгами замерли на пологом склоне берега. Конные ушли легкой рысью вдоль реки, вниз по течению.

– Надумали обойти село, – догадался Чуприн. Обернулся, поискал глазами и крикнул: – Илья! Метись к церкви, скажи Гурию Чубуку, пусть он с брынскими работными перехватит конных драгун!

Илейка, взятый Чуприным в посыльные, ударил голыми пятками по бокам чубарого демидовского жеребца и погнал его к площади исполнять поручение атамана.

Вверх к Ромоданову отошел Кузьма Петров с дозорцами. Здесь, на околице, у гряды наготовленных камней, отставной солдат Дмитриев выстраивал в шесть шеренг ромодановцев и мужиков из ближних сел и деревень, всего свыше тысячи человек. Четыре сотни работных и игумновцев под командой Гурия Чубука ушли на противоположный край села встречать конных драгун.

Женщины, взволнованные предстоящим боем, вместе со способными ходить стариками, в окружении бесстрашных и вездесущих отроков, кто с чем в руках густо, как несметная стая воробьев брошенный ток, заполнили церковную площадь и подворье демидовской усадьбы. Все попытки Андрея Бурлакова уговорить их укрыться от пуль в дома были напрасны.

Чуприн, видя это, решил:

– Коль упорствуют, то пусть для устрашения высятся на виду. Будет крайняя нужда – валитесь с горы всем скопом. Не дрогнут ли солдаты перед женщинами и детьми, готовыми животы положить за лучшую долю? – а сам с затаенной тревогой, тихо, чтобы не услышали ближние мужики, прошептал: – Не обманул бы вчерашний вестник о первом без пуль залпе.

Солдатские цепи дрогнули и неспешно начали удаляться от реки. Вот они обогнули березовую рощицу с двух сторон, вновь сомкнулись. В полутора сотнях сажений от мятежного воинства полковник Олиц остановил свои роты. От группы всадников возле полковника отделился офицер и рысцой – в гору не расскачешься! – направился к селу. Подъехал шагов на пятьдесят и начал размахивать в трубочку свернутой белой бумагой.

– Может, указ от матушки-государыни? – Андрей Бурлаков все еще не терял надежды на бескровный исход бунта против Демидова.

Михайло Рыбка сумрачно посмотрел на офицера – ну чисто красный петух на заборе егозит, – буркнул сквозь зубы:

– Указы всем полком не возят. Стращать будет.

– Пусть калужских баб страшает! – с вызовом откликнулся Кузьма Петров и оглянулся. В первой шеренге, облокотясь на оглоблю, одетый в чистую белую рубаху – будто свататься надумал – стоял Егорушка. Сын поймал тревожный взгляд отца, ободряюще улыбнулся: все будет как надо!

– Выйдем встречь, – позвал Чуприн Кузьму, и они с десятком мужиков спустились к переговорщику.

Офицер придал прыщеватому лицу должную обстоятельствам суровость и громко объявил:

– Указ сената! Велено читать вам, дабы знали вы и безропотно исполняли! – И начал разворачивать бумагу.

Чуприн нетерпеливо выкрикнул:

– Собственной ли матушки-государыни руки тот указ?

Офицер, не понимая, какая мужикам разница – чей указ, ответил возмущенным тоном:

– Сказано же – Сената!

– Быть ли по тому указу нам в воле или быть под Демидовым? – повторил Иван Чуприн. Он стоял, широко расставя ноги и опираясь руками о ствол заряженного ружья.

– Велено зачитать указ полностью. – Офицер вновь начал разворачивать тугой рулон плотной бумаги, раскачивая сорванную коричневую печать на белом шнуре.

Чуприн еще раз остановил его:

– То долго слушать! Скажи, берет ли матушка-государыня нас от Демидова под свою милостивую руку?

Офицер побагровел: неужто своевольное мужичье настолько предерзостно, что выкажет сопротивление даже всеильному Сенату? Безумие, не знающее меры!

Офицер рывком привстал на стременах.

– Повелел Сенат, чтобы вы противу воинской команды, тако же и помещику своему Демидову отнюдь никаких противностей чинить не дерзали! – Голос офицера надрывался: на церковной звоннице не умолкал тревожный набат. – И оному Демидову были послушны! Повелел Сенат вам настоящих в мятеже зачинщиков и возмутителей выдать, а Сенат обнадеживает, что прочим вины их отпустятся...

– Стало быть, нам воли из-под Демидова нет? – Чуприн в гневе ударил прикладом о землю. – Так вот наш ответ сенату и Демидову: мы все зачинщики! А вы, солдаты, коль хотите живу быть, не медля нисколько от села уходите! Биться будем до крайности. Как всех побьете, лишь тогда набат умолкнет!

– Костями ляжем, а от своего умысла не отступим! – выкрикнул разъяренный отказом Сената Капитон, выступил вперед на несколько шагов и вскинул рогатину к конской морде. Вороной конь фыркнул от такого обращения, дернул головой и попятился.

– Поспешим, братья, порадовать мужиков великой милостью от Сената, – позвал Чуприн и пошел вверх. – Кому петля, кому рваные ноздри да каторга!

Офицер схватился было за шпагу, но совладал с собой, вздыбил коня и поскакал доложить полковнику о неслыханном...

Не успел Чуприн пересказать выборным содержание сенатского указа, как офицер тяжелым наметом вновь въехал на склон и остановил коня теперь уже в десятке саженей от гряды наготовленных камней да затесанных для метания кольев вместо дротиков.

– Одумайтесь, смутьяны! – выкрикнул он и рукой указал на солдатские шеренги. – Не разойдется по добру, тогда в силу указа велено поступить с вами военной командой стрельбой из ружей пулями! Как со злодеями и противниками отечества!

По мужицким рядам прокатился негодующий ропот – они ли противники отечества? А не Демидов ли, который довел их до разорения и крайней нищеты? Они спины своей не разгибают над пашней, хлеб сея и убирая, а по ним стрелять пулями?

Перескочив каменные кучи, которые как бы обозначали границу мятежной волости, к офицеру выбежали самые нетерпеливые.

– Мы в непокорности душегубу и насильнику Демидову стоим и стоять будем! – горячился Капитон. – Хотя бы всем умереть здесь в драке, а не покоримся!

– На совести Никиты-паралитика голодная смерть детей наших! – вторил Капитону Михайла Рыбка и в гневе дергал широкою бородой к левому плечу. Выставив самодельное копье, он начал заходить к офицеру со стороны, приноравливаясь сбить его на землю.

Пятясь конем, офицер, пока не учинили над ним насилия, поспешил отъехать от неистовствующих мятежников.

Солдаты, на виду всего села, вынули из ружейных стволов вставные штыки, чтобы можно было стрелять, и пошли по склону к Ромоданову. От полковника спешно отъехал верховой с наказом конным драгунам атаковать село с тыла.

– Сядем, братья, перед неведомой дорогой! – громко, волнуясь, обратился Василий Горох к мужикам. Послушно, как степной ковыль под резким грозовым напором ветра, тысячная толпа опустилась на землю, лишь сутулый седой Горох возвышался над нею. Звонарь на колокольне убавил силу звона, свесился в проем и наблюдал за этим необычным сходом перед дракой.

– Вот и дождались мы истинной милости от Сената – идут по наши души казенные люди! Выходит так, что не достигли матушки-государыни мужицкие горестные стоны и слезные прошения. Так воодушевимся, братья, и дадим открытый бой! И услышит тогда государыня-заступница! Если будем побиты – так мы теперь хоть на время да вольные, а не демидовские холопы! За волю эту и животы положим – будем биться накрепко!

Мужики встали, дружно перекрестились на купола церкви, разобрали свое оружие. В подоткнутые подолы напихали камней, разобрали тяжелые колья-дротики и выстроились в длинные шеренги.

– Не страшитесь, братья, первого залпа! Доподлинно знаю, пыжами выстрелят! – громко объявил Чуприн, ободря мужиков в эту решающую минуту. По себе знал: страшна не сама драка, когда душу захватывает злобный азарт – кто кого! Страшна смерть от невидимой пули, на расстоянии, когда враг твой в безопасности, а ты перед ним беззащитен, словно загнанный заяц перед зубастым волком.

– Второй раз выстрелить мы им не дадим! Сомнем! – поддержал Чуприна Василий Горох. – Господь да поможет нам в праведном деле!

Солдаты уже в сотне шагов...

– Стеной, детушки, как учил! Стеной! Ура-а! – закричал Дмитриев и, размахивая над старой треуголкой трофейной шпагой, первым побежал впереди мужицкого воинства, смешно припадая на обе немощные от старости ноги.

– Ура-а-а! – на одном дыхании отозвалась и ринулась вниз тысячная масса людей, широко охватывая полк с обоих флангов. На каждого солдата три и больше взвинченных яростью мужика.

Расстояние между врагами сокращалось столь стремительно, что полковник Олиц, не ожидавший такого оборота дела, отъехал за солдатские шеренги и едва успел дать команду. Драгуны поспешили опуститься на колени, и навстречу атакующим грохнул оглушительный

залп. Сизое густое облако дыма закрыло солдатские ряды, с высоких осокорей над Окою тучей поднялись перепуганные грачи.

– Примкнуть штыки-и! – слышались торопливые команды офицеров, а в ответ, заглушая, катилось с горы неистовое:

– Круши-и-и!

– Круши-и! – ревел вместе со всеми Капитон и, словно в угаре, толком не осознавая, где он и что с ним творится, бежал вперед. Знал лишь одно – бежит мстить за Федю, за поруганную внучку, за тяжкий каторжный труд на демидовских отработках, которые лишили последнего здоровья, за позорные плети приказчиков. Скорее, скорее бы сойтись грудь в грудь...

До солдат уже рукой подать! Сквозь поредевший дым видны мундиры, в напряжении застыли лица усарых и безусых Драгун.

Капитон на миг приостановился, выхватил из тяжело отвисшего подола увесистый камень и швырнул его в этот ненавистный и одноликий ряд. И вновь за камень...

Ладонь не старинный богатырский щит, ею от камня и тяжелого заостренного кола не укрыться. Под копыта взметнувшегося коня упал с разбитой головой подполковник фон Рен. С командира полка Олица камнем сбило высокий кивер. В четвертой правофланговой роте пожилой капитан прикрыл разбитую голову согнутой рукой и беспомощно отмахивался блестящей шпагой. Чья-то отточенная до синевы коса ударила капитана в грудь, опрокинула на смятую траву. Две сотни мужиков, ведомые Михайлой Рыбкой, сбили роту и начали обходить полк со стороны Оки.

Далеко не всякий солдат успел после залпа вставить в ствол вынутый штык.

В центре, неподалеку от Капитона, упал с рассеченной головой давний знакомец Парамон, который принес ему весть о смерти Федюши в тайном подземелье, здесь же пообок дрались Кузьма Петров и Иван Чуприн. Две шеренги солдат, побитые камнями и кольями, не смогли долго сдерживать натиск мужиков. Отбиваясь кто штыком, кто прикладом, драгуны попятились к паромной переправе, искали спасение в небольшой зеленой рощице...

– Полковника Олица хватайте! – кричал Чуприн, а сам смахивал с рассеченной брови кровь, чтобы глаза не застилала.

Перед Капитоном вдруг вырос рослый, с перекошенным от ярости лицом пожилой драгун.

– Проклятые бунтари! – прохрипел он и размахнулся ударить прикладом.

«Смерть!» – успел подумать Капитон и, защищаясь, вскинул рогатину, помимо воли зажмурив глаза в ожидании удара.

– Вот тебе! – Рядом промелькнул голубоглазый Егор, оглоблей перехватил занесенный над Капитоном приклад.

– Черт возьми! – Драгун растерялся на миг, и это погубило его. Капитон ударом ноги в пах сбил врага на землю, подмял под себя.

Кто-то, пробегая в гуще драки, больно наступил на спину жестким лаптем, не задержался помочь.

Над головой хлопнул пистолетный выстрел. Капитон вырвал из обмякших рук драгуна ружье, вскочил на ноги и обмер: в пяти шагах, широко раскрыв рот, захлебнулся последним глотком воздуха Егор. Из-под мягких темно-русых волос на переносье хлынула кровь. Только миг и держался Егор на ногах, потом рухнул, пропал за дерущимися мужиками и драгунами.

Капитон вскрикнул:

– Егор! Егорка! – попытался было протолкнуться к упавшему Егору и вынести его из свалки, но плотная масса людей понесла его дальше, вниз по склону, к роще.

Не чувствуя ударов по рукам, по спине, Капитон полез на полковника, окруженного изрядно побитыми солдатами. Олиц взмахнул шпагой, звякнула сталь о ствол ружья. И тут же кто-то ахнул полковника оглоблей со спины и заставил согнуться от боли. Капитон вцепился в

офицерский сапог, потянул на себя, но сам взвыл от крепкого тычка в скулу. Молодого драгуна взял в кулаки подоспевший Кузьма Петров.

Чуприн достал-таки Олица рогатиной, но полковник, отбросив переломанную о ствол ружья шпагу, руками ухватился за древко страшного мужицкого оружия. Чуприн рванул рогатину на себя, Олиц вылетел из седла на плечи Капитона. Капитон тут же навалился на офицера всем телом. Преодолевая сопротивление рук Олица, вершок за вершком приближал он свои закаменевшие от напряжения пальцы к гладко выбритому кадыку над воротничком тесного мундира.

– Вот я тебя... за Федюшу, за Егорку, – хрипел от натуги Капитон. Багровея, хрипел под ним Олиц, красными прожилками покрылись белки выпуклых серых глаз...

Вдруг чьи-то руки рванули Капитона за плечи, оторвали от полковника.

– Ты что, озверел? – выкрикнул перепачканный кровью Чуприн, с трудом оттаскивая Капитона от вставшего на колени полковника. Михайла Рыбка, рогатиной подталкивая Олица в спину, повел из мужицкой толпы прочь к селу.

– Он только что Егорку... из пистоля в голову... побил, – задыхался Капитон и никак не мог попасть зуб на зуб от нервной тряски во всем теле.

– Потом поквитаемся. Олиц нам нужен живым как заложник! – Чуприн резко обернулся на гулкий конский топот за спиной.

Вдоль реки к переправе наметом возвращался эскадрон. Многие драгуны без киверов, на лицах – кровь, ссадины. Кони тоже в кровоподтеках, с порезами на шее, на боках. За драгунами, поотстав на два десятка сажень, с криками гнались брынские работные и игумновские мужики, размахивая копьями, рогатинами, кистенями.

– Ага-а! Взяла наша! – возликовал Чуприн, уже не сомневаясь в победе над драгунским полком. И вдруг крик справа:

– Солдаты! Солдаты!

Беда грянула со стороны переправы. Всеми забытая в драке пешая полурота, оставленная охранять паром, со своим офицером поспешила на помощь смятому и разбитому полку. Не решаясь залпом стрелять издали, чтобы не побить своих, офицер приказал действовать только наверняка, в упор. Захлопали выстрелы, упали убитые, пораненные. Ближние попятились, дав тем самым возможность окруженным драгунам отбежать к рощице и там сгрудиться, приходя в себя.

Заголосили у околицы женщины, и тут же вторым валом вниз хлынул резерв в несколько сот человек, выведенный на сражение Василием Горохом и Андреем Бурлаковым.

– Круши-и!

А слева подоспели брынские работные с Гурием Чубуком. Еще несколько минут, и не спасет Рижский полк свежая полурота в восемьдесят человек, вновь заклубится неистовая масса людей, разъяренных пролитой уже кровью.

Чуприн побежал навстречу Гороху и Бурлакову, замахал руками.

– Сто-ой! Отходи! Отходи все к селу! Будет кровь лить! Отходи-и!

Голос Чуприна подхватили старшие в боковых отрядах. Неуверенно и нехотя, словно весенний лед от мелководного берега, распаленное дракой мужицкое воинство оторвалось от вбежавшего в рощицу драгунского полка. Подбирая своих, ромодановцы медленно поднимались вверх к селу.

Навстречу устремились женщины, дети. Обгоняя других, вприпрыжку через уцелевшие кусты по склону бежал Илейка. Увидел живого деда Капитона, обрадовался, припал к груди. Потом поднял сияющие глаза, сдвинул рыжеватые брови над карими глазами, пальцем тронул вспухшую дедову скулу.

– Побили? – спросил участливо Илейка.

– И мы в долгу не остались, – отозвался Капитон, замедлил усталый шаг, остановился около Кузьмы Петрова, который сгорбился над распростертым телом сына.

– Егорушка, родимый... – чуть слышно шептал Кузьма и правой рукой трогал грудь Егора. Но сыновье сердце и еле различимым стуком не откликалось на скорбные отцовские слова.

Капитон обнажил влажную голову, постоял, потом легонько тронул соседа за плечо, почувствовал, как оно мелко дрожит.

– Идем, Кузьма. Солдаты за своими поднимаются. – Он оглянулся. В пяти шагах, рядом с убитым Пармоном, лежал на спине драгун. Правая рука заломлена за спину, словно солдат и после смерти что-то прятал от чужого взгляда.

– Ох, господи, – вырвалось у Капитона, и он тут же прикрыл рот ладонью: над левой бровью убитого увидел наполовину залитое кровью овальное родимое пятно. Капитон издала перекрестил драгуна. – Горькая судьбинушка. За нас сердцем порадел, от нас же и смерть принял...

Впереди, в сопровождении Михайлы Рыбки и Андрея Бурлакова, вдвое согнувшись, еле шел в гору Кузьма – на руках непомерной тяжестью лежал сын Егор.

Разнесли в разные стороны убитых, подсчитали и опечалились: пятьдесят девять мужиков и тридцать два драгуна, в том числе подполковник фон Рен и четыре офицера. Рижский драгунский полк, имея в своих рядах около двухсот раненых, оставив в руках мятежников двести десять ружей, не отважился вновь атаковать взбунтовавшуюся волость и ушел в Калугу.

Ромодановцы разобрали убитых по домам, а на траве возле усадьбы осталось пятеро чужих. Это были калужане. Иван Чуприн распорядился сыскать в селе охотчих баб обмыть и прибрать тела. И схоронить на своем кладбище – в едином деле животы сложили, пусть рядом и покоятся.

Не спускали глаз с Калуги дозорные на высокой звоннице. В тревоге ждали атаманы: что теперь предпримет далекий, но скорый на расправу Сенат? И как распорядится государыня Елизавета Петровна судьбой мятежных мужиков? Отберет ли волость из-под Демидова или снарядит новые полки для усмирения?

Через неделю Капитона позвали в усадьбу: с улицы прибежал внук Илейка и выпалил:

– Атаманы зовут тебя, дедушка Капитон. Приметил меня Чуприн и наказал, чтоб поспешил ты.

– Что за нужда? – удивился Капитон, прибрал в сарай косу, которую только начал отбивать, и покинул подворье. Надеялся застать там всех мужицких атаманов, а увидел только Ивана Чуприна с перевязанной головой да Андрея Бурлакова. Чуприн сидел за длинным столом туча тучей и в мрачном раздумье крутил в руках ременную плетть. Волостной староста, будто караульный на крепостной стене, вышагивал мимо портрета императрицы. Рядом на гвозде висело ружье.

– Проходи, Капитон. – Чуприн говорил неспешно, обдумывая каждое слово, не размахивал руками, и это было так на него непохоже, что Капитон сразу насторожился: не к добру такая перемена!

– Из Калуги прибежал ныне поутру свой человек... Сказывал: пьяный канцелярист Пафнутьев похвалялся-де, что на бунтовщиков снаряжают от Сената пять полков под командой бригадира Хомякова, три драгунских из разных мест да два пехотных из Углицкой провинции.

Капитон перекрестился: силушка смертная! Вот как оно вышло! По старицкой сказке – хорошо на печи пахать, да заворачивать трудно! Поднялись, выходит, мужики, а силушку не рассчитали. Оттого и Чуприн так поник головой, а на волостном старосте и вовсе лица нет от переживаний: плаха маячит перед атаманами, кровавая плаха или пеньковая петля...

– Одним нам не устоять супротив Хомякова! – Чуприн не выдержал спокойного сидения, встал. – Потому посланы от нашей волости верные люди по демидовским заводам скликать всех, кто там задержался... Еще надумали мы известить односельцев, коих Демидов вывез на Каменный Пояс. Пусть знают, что их родичи вознамерились выйти из тяжелой неволи. Кабы вместе сбиться нам – устояли бы и против пяти полков... Принудили бы матушку-государыню зачислить нас во дворцовые.

Капитон слушал и поглядывал то на Бурлакова, который изрядно наследил сапогами у стены с портретом, то на сдержанного Чуприна. «А от меня-то какой прок? – напряженно думал Капитон. – Что умыслил Иван?»

– Порешили атаманы послать тебя от всего мира на Каменный Пояс. Разущи там демидовские заводы и поведай сородичам, что у нас здесь сотворилось.

Капитон в недоумении развел руками.

– Куда же? Идти-то в неведомо какую далищу...

– Надо! – жестко отрезал Чуприн, вскинул на Капитона суровые глаза, губы поджал так, что залегли глубокие морщины у рта. И Капитон понял, что не посмеет отказать атаману, который его отсылает, а сам остается в селе на верную смерть.

– Окромя тебя пойдут и другие, другой дорогой, – добавил Чуприн. – А твой путь через Рязань на Сызрань да Самару. А от Самары на восход через башкирские земли до Каменного Пояса: этой дорогой наших односельцев Демидов вывозил на дальние заводы... Других пошлем через Нижний Новгород на Каму и дале. Так-то вернее выйдет. Себя ругаю, надобно было бы сделать это сразу же после схода, как порешили противиться Демидову. Сколь времени упустили... Понадеялись на челобитные, да зря.

Чуприн вышел из-за стола, глянул под ноги на затоптанный желтый пол и в глубоком раздумье сказал:

– Вчерашним днем возвратился Гурий Чубук от гончаровских атаманов. Посылал я его уговорить соседей собраться воедино супротив бригадира Хомякова. Сказывал Чубук, что прибил к тамошним работным беглый монах, сманивает скопом уходить в сибирские края искать заветную страну Беловодье. Да нешто дадут нам царские полки уйти таким табором? Переловят и в кандалы забьют. И не дальнее счастье поднялись мы искать в неведомых краях, а здесь, на родимой сторонке, волю добыть...

Капитон слушал, не прерывая Чуприна. Наверняка знал, что больше отважного атамана он не увидит. Если и доберется до Каменного Пояса, то на обратный путь сил вряд ли останется.

– Балясы точить недосуг, Капитон, поспешать тебе надобно. Кто знает, сколь долго собираться будет с полками тот Хомяков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.